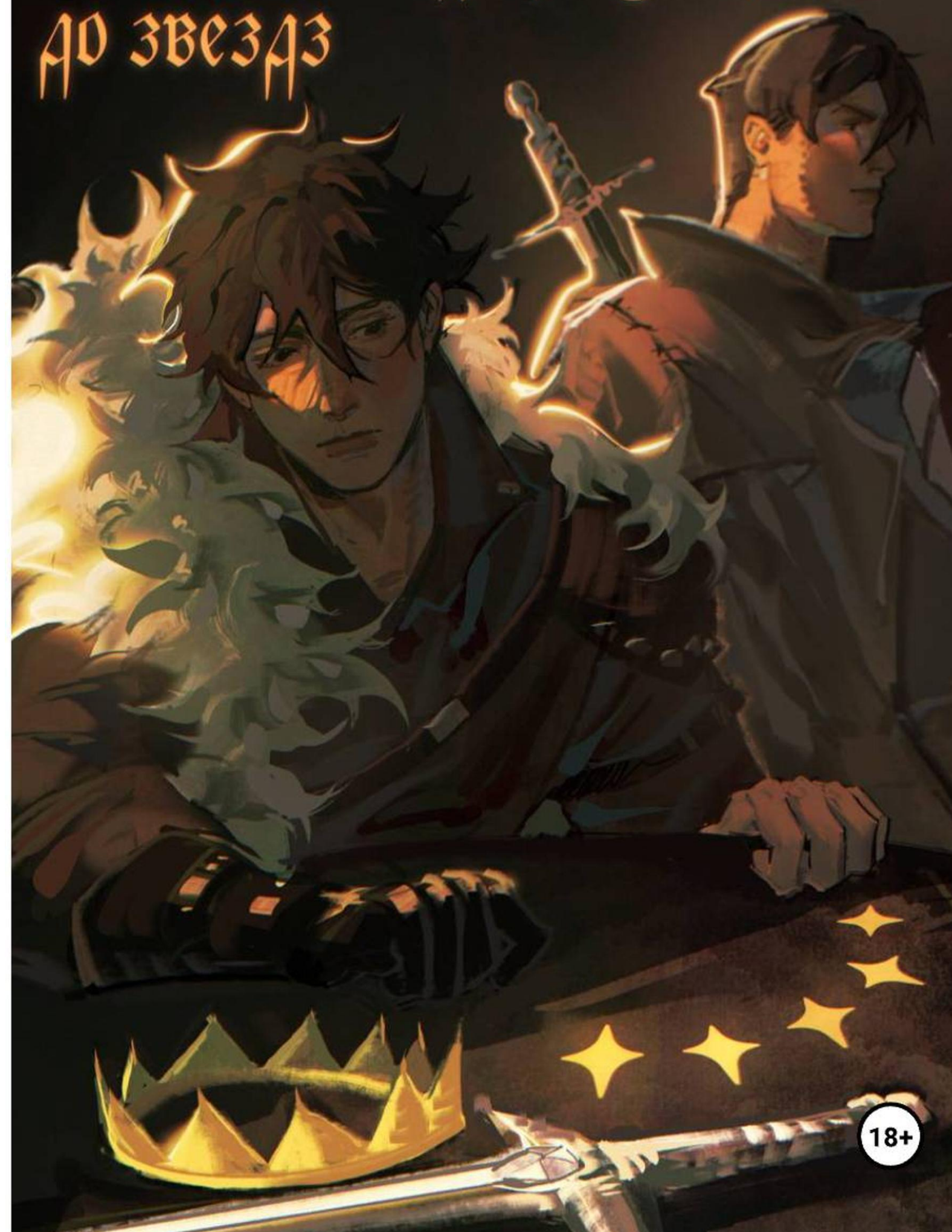

Способный дотянуться до звезд

18+

Шишов Игорь

Способный дотянуться до звезд

«Автор»

2026

Игорь Ш.

Способный дотянуться до звезд / Ш. Игорь — «Автор», 2026

В мире Целиума клятвы древних духов давно забыты. Гарантом порядка стала бездушная власть, а человеческая жизнь превратилась в разменный товар для сытых чиновников и жадных наместников. На морозной окраине Фригуса, в городе Хордалин, люди привыкли выживать вопреки, а не благодаря государству. Молодой охотник Эван пытается защитить тех, кто ему дорог, от системного произвола, поборов и людской черствости. Но когда к воротам подступают Палачи Аурелиса, а с неба готовы обрушиться Тенепады - холодные, сгоревшие осколки растоптанных властью клятв, - хрупкий покой рушится. В мире, где ложь стала главным инструментом управления, а на морозе замерзают лишь те, у кого нет связей и денег, Эвану придется сделать выбор: подчиниться гнилой системе или заплатить невероятную цену за право оставаться человеком.

© Игорь Ш., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 - Хордалин	5
Глава 2 - Кальд и Эйлин	11
Глава 3 - Лесной лагерь	16
Глава 4 - Аномалия	22
Глава 5 - Смерть	29
Глава 6 - Совет	36
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Шишов Игорь

Способный дотянуться до звезд

Глава 1 - Хордалин

Часть 1

— Оглянитесь, что вы видите вокруг? Бесконечную мерзлоту и бескрайние снежные поля? Вы думаете, что живете в мире из снега и ветра. Всё, что вас окружает — это тайга, лёд под ногами да темные силуэты гор вдали. Но что, если я скажу вам, что мир куда больше, чем вы себе представляете?

Старик прервался ненадолго. Потрескивание костра становилось все громче, хотя дров в кострище было жалкое количество — **Аурелис** перед зимой снова поднял налог на добываемый уголь и дрова. Из-за этого городу приходилось экономить каждую щепку.

— **Фригус**, где мы живем с вами, - это лишь маленькая часть огромного мира, называемого **Целиумом**, — продолжал старик. — Некоторые умы переводят его как «Небо», но это лишь для того, чтобы покрасоваться перед дамами. Впрочем, вы еще слишком юны, чтобы задумываться об этом, верно? — Усмехнувшись, рассказчик повернулся к детям.

Ребята, ежедневно собиравшиеся в этом месте, сидели плотнее обычного — плечом к плечу, укутавшись в грубые шкуры горных коз и бережно передавая друг другу глиняную кружку с обжигающим, горьким хвойным чаем. Это неудивительно, ведь солнце начало уходить за горизонт куда раньше, а холодные ночи стали длиннее и суровее — приближалась зима, хотя во **Фригусе** она как будто никогда не заканчивалась. Но это не мешало им внимательно слушать своего учителя.

— Вижу, что вы еще не превратились в ледышки, мои маленькие ученики, это хорошо. - Погладив длинную седую бороду, старик продолжил урок: — В центре нашего мира стоит город **Аурелис**, отрезанный от остального материка рекой с черными берегами — **Каир**. С основными землями его соединяют четыре моста, ведущие в окраинные королевства. Северное — **Фригус**, где мы с вами, Западное — **Мирраден**, Южное — **Солант** и Восточное — **Эврон**. Не слишком тяжело для вас?

Не успев он закончить, костер перед учителем и учениками резко подернулся пеплом и потух — плохой знак. Совсем скоро солнце уйдет за горы, и температура стремительно упадет. Продолжать урок в таких условиях — лучший способ оставить детей без пальцев на ногах. Где-то в глубине тайги раздался протяжный, вибрирующий волчий вой. Дети испуганно притихли, еще сильнее вжимаясь в шкуры.

— **Волды...** - испуганно прошептал самый маленький мальчик, судорожно сжав кулачки. — Они ведь придут и съедят нас, да? Это из-за меня, говорил мне папа не бросаться в сестру снежками, простите... — чуть ли не плача, продолжал ребенок.

Смех старика прервал тревожный поток мыслей учеников.

— Глупости какие! - мягко улыбнулся он, поднимаясь на ноги и стряхивая снег с плаща. — Волды охраняют покой этих гор. Они нас не тронут, если мы проявим уважение. Продолжим в следующий раз, малявки. Быстро по домам!

Старик повернулся к высокой фигуре, стоявшей все это время в тени: — Эван, проводи их. И если увидишь серебряный силуэт в метели - не обнажай клинок. Ты ведь помнишь наши законы?

Молодой человек вышел из-за угла, молча кивнув на просьбу.

— Еще бы я забыл, старик, — взмахнув рукой, он призвал притихшую детвору следовать за собой.

Они гуськом побрели по узкой, занесенной снегом тропе между бревенчатыми избами, чьи крыши были скованы тяжелыми цепями.

— Когда уже починят ту избу, в которой нам раньше дяденька Йору проводил учения?.. — спросил младший из детей, стараясь не отставать.

— Томас, а как ты сам думаешь? — подхватил разговор самый рослый из мальчишек. Похвастаться своими знаниями он любил, об этом говорил даже его слегка вздернутый нос — во Фригусе таких детей считали смышленными и пророчили им светлое будущее.

— Все потому, что в столице сейчас наступили трудные времена. Зима приближается, люди там болеют и голодают, а кормить их нечем. Вернее, не так: еда-то вся на столах у столичных патрициев, а обычным людям только крохи достаются. Из-за этого на каторгу забирают мужчин из других королевств, а ремонтировать наши города некому. Проклятое место. — закончил свой монолог Бьёрн, высказав весьма взрослые мысли для своего возраста.

— О-о, столичных патрициев?.. А это кто? — начали расспрашивать другие дети.

— Вы что, таких вещей не знаете?! Ну, детвора... **Патриции** - это **Совет Пяти**. Самые богатые и влиятельные семьи, которые управляют страной. — Слегка надменно Бьёрн повернулся в сторону их «охранника», который шел все это время молча, явно ожидая похвалы за свои познания.

Но удивления это не вызвало.

— Ты ведь это в разговоре отца подслушал, не так ли? — легко улыбаясь, громко спросил Эван, чтобы остальные тоже его услышали.

— Ну, да... - С чувством позора парнишка глубже зарылся в плащ в надежде, что другие дети не услышали этого из-за порывов ветра.

— Очень интересно! — донесся резкий и протяжный, непривычно чистый голос с легким столичным акцентом откуда-то сзади.

Дети испуганно вскрикнули и прижались к ногам Эвана. Из-за угла длинного амбара вышел человек. На фоне суровых северян он смотрелся нелепо и жутко: тонкое пальто бордового цвета, усыпанное снежинками, и бледное, высохшее лицо. В руках он держал узкий кожаный свиток и чернильное перо, которое не замерзло благодаря едва заметному магическому свечению.

— Проклятое место, значит? — мужчина снисходительно улыбнулся, глядя на мальчишку сверху вниз, и кончик его пера заскользил по пергаменту. — Нарушение **Кодекса Судеб**, статья о браконьерстве... Юный друг, а как, ты говоришь, имя твоего столь красноречивого отца?

Чем дольше он писал, тем сильнее расплывалось его лицо в мерзкой улыбке.

Эван мгновенно шагнул вперед, закрывая детей своей спиной, и его серые глаза опасно блеснули в полумраке: — Они просто дети, господин. Наслушались глупых сказок у костра. Мы уже уходим.

Незванный гость медленно поднял взгляд на Эвана. Ухмылка на его лице быстро превратилась в неприятную гримасу. Он осмотрел парня с ног до головы, задерживая внимание на его обнаженных запястьях, где под завязанными ремнями не было и намека на священное свечение звезды. На губах столичного гостя появилась безразличная, холодная усмешка.

— Разумеется, сказок, - тихо произнес он, делая последнюю запись. — Ступайте, друзья мои. Ночь сегодня для кого-то будет очень холодной.

А через три часа тишину Хордалина разорвал истошный женский крик и грохот выбитой двери...

Часть 2

Эван подскочил с кровати, мгновенно сбросив остатки тяжелого сна. Сердце бешено колотилось в груди. За тонкой бревенчатой стеной избы, где-то в центре города, снова раздался крик — на этот раз отчетливый, полный первородного ужаса. Женский голос звал на помощь, но метель безжалостно глушила звуки.

Не успел парень потянуться к сапогам, как входная дверь с грохотом распахнулась, впустив в дом вихрь снега и ледяного воздуха. На пороге стоял Томас. Мальчишка тяжело дышал, его лицо было бледным как смерть, а из глаз катились слезы, мгновенно замерзая на щеках.

— Эван! Эван, сделай что-нибудь, пожалуйста! — кричал ребенок, хватая его за рукав поношенной куртки. Его маленькие ладошки дрожали так сильно, что он едва мог зацепиться за ткань. — Там... папу Бьерна забрали! Дверь выломали, выволокли прямо на снег!

— Твари...

Накинув верхнюю одежду и даже не завязывая ремни на запястьях, Эван выскочил вслед за мальчиком на улицу. Мороз тут же ударил по лицу, перехватывая дыхание.

На городской площади уже собралась толпа. Жители Хордалина стояли полукругом, испуганно перешептываясь и кутаясь в шкуры, но никто не решался сделать и шаг вперед. В самом центре, увязнув в глубоком снегу, стояла крытая повозка, запряженная тяжелыми столичными лошадьми. Рядом с ней с факелами в руках замерли четверо гвардейцев в бордовых плащах - личная охрана того самого бледного чиновника.

Сам он стоял чуть поодаль, брезгливо отряхивая дорогой мех от падающего снега. У его ног, с разбитым лицом в собственной крови, лежал отец Бьерна. Его руки были туго скручены за спиной веревкой.

— За браконьерство и незаконный вывоз пушнины вне угодий **Совета Пяти**, — сухо, без тени эмоций зачитывал гвардеец, разворачивая пергамент с фальшивыми печатями. — А также за систематическое сокрытие налогов. Приговор — пожизненная каторга в каменоломнях Аурелиса.

— Какое браконьерство?! — вырвался отчаянный крик матери Бьерна, которую удерживали соседи. — Он всю осень в тайге провел, каждую шкуру до единой вам отдал! Вы его из-за слов сына забираете! Из-за того, что мальчишка сглупил!

Бледный чиновник медленно повернул голову в сторону женщины, и на его губах снова появилась та самая снисходительная ухмылка.

— Наши законы безупречны, женщина. **Кодекс Судеб** не ошибается, — тихо произнес он, кивнув стражникам. — Бросайте его в телегу. Нам пора возвращаться на мост. Подальше от этого проклятого Небом места. — Последние слова столичный гость выговорил с особой язвительностью, намеренно взглянув на маленького Бьерна, беспомощно стоявшего возле матери с пустыми глазами.

Ухмыльнувшись, чиновник повернулся к телеге.

— Всем оставаться на своих местах! — донесся громовой рёв из метели.

Толпа поспешно расступилась, освобождая путь человеку, чей роскошный лисий мех ничуть не уступал столичным одеждам незваного гостя.

— Посмотрите-ка, кто здесь! Сам Снорсен Хардрик, господин! — сходя со ступенек крыльца, чиновник нагло развел руки в приветственном жесте.

— Молчать! — оборвал его Хардрик. — По каким таким законам вы задержали **МОЕГО** человека?

Повисла гробовая тишина. Ни у кого из присутствующих не хватало смелости издать хоть звук. Тяжелая, властная аура, исходящая от внезапно появившегося лорда Фригуса, буквально сковывала волю, давая четко понять: слова сейчас нужно подбирать очень грамотно.

— А столица и не знала, что ваш великий и сказочный Дом укрывает у себя нарушителей Кодекса... — Чиновник почесал угловатый подбородок, и его лицо вновь расплылось в

мерзкой гримасе. — Интересно, как на это отреагирует Совет Пяти? Может, это измена? Как вы думаете, милорд?

— Столичная брехня! — Хардрик швырнул под ноги гвардейцам увесистую кожаную папку. — Браконьерство?! Подавите своими бумагами, здесь собраны отчеты по каждому торговцу в Моем Королевстве!

— Ну конечно, в Вашем Королевстве... — лениво протянул чиновник, даже не взглянув на брошенную под ноги папку. Улыбаясь все шире, он носком дорогого сапога пихнул отчеты, пачкая их в кровавом снегу. — Вы, северяне, вечно забываете, милорд Хардрик, что ваши земли принадлежат вам лишь до тех пор, пока Совет Пяти позволяет этому льду не таять. Бумаги? Оставьте их вашим неграмотным крысам. Звезды этого человека, — он указал пером на избитого отца Бьерна, — сегодня зажглись багровым на **Скрижалях Цитадели**. Он — преступник. Или Дом Снорсенов готов оспорить волю самого Кодекса?

Гвардейцы синхронно сделали шаг вперед. На их обнаженных запястьях под бордовыми плащами яростно вспыхнули трехзвездные метки Воинов. В воздухе повисла тяжесть — та самая столичная магия давления, от которой у обычных людей в толпе мгновенно заныли кости, заставляя их опускать головы и пятиться назад.

Хардрик Снорсен стиснул зубы так, что на его скулах заиграли желваки. Его рука легла на рукоять тяжелого меча, но Эван, стоявший в первых рядах толпы, заметил, как пальцы лорда едва заметно дрожат — столичные метки гвардейцев уже начали транслировать волну боли в его собственное клеймо, подавляя волю к сопротивлению.

Не заметив, что толпа уже отступила несколько шагов назад, не в силах сопротивляться воле звезд, Эван оказался рядом со своим лордом.

— О-о, ты же тот самый уродец, которого я повстречал ранее! — Удивленно прокричал чиновник, указывая пальцем на молодого парня. — Объясни-ка мне, каким образом ты вообще стоишь на ногах? Как твое имя?

— Калинор Эван, господин.

— А манерам тебя папаша обучил на славу, что редкость для этих диких мест. Хотел бы я с ним познакомиться.

— Такой возможности нет, мой отец бесследно исчез много лет назад, господин, — твёрдо ответил Эван.

Он старательно пытался прикрыть поношенной мантией свои запястья. До этого момента кожаные ремни всегда помогали скрывать их чистоту, но из-за ночной спешки они остались в избе.

— Есть ли у вас доказательства того, что звёзды Торстейна зажглись багровым, когда он приложил руку к Скрижалям? — добавил парень, не отводя взгляда.

— Глупые скоты... — усмехнулся столичный гость, безразлично стряхивая снег с волос и плеч. — Как вы, северяне, вообще смее...

Неси сюда Скрижаль, самодовольная свинья! — оборвал его громовой голос Хардрика. Лорд не намеревался слушать оскорбления в адрес своих людей. — Если ты прав и МОЙ человек окажется преступником, я отпущу вас. В противном случае вы уберётесь отсюда так же быстро, как и оклеветали его!

Не прошло и пары минут, как отца Бьерна поставили на колени перед гвардейцами, развязав ему руки. Мальчик продолжал стоять подле матери, а его слезы моментально застывали на ледяном ветру.

— Клянешься ли ты, Торстейн Грим, под взором Звёзд, что являешься добросовестным торговцем? — безэмоционально зачитывал гвардеец, удерживая в руках массивный мраморный лист, исписанный рунами. — Клянешься ли ты, что честно оплачивал налог с каждой шкуры, провезенной через столичный порт? Клянешься?

— Клянусь... — едва слышно пробормотал мужчина. Казалось, что еще одно слово — и он лишится чувств.

Отец Бьерна приложил окровавленную, дрожащую от холода и побоев ладонь к гладкому камню. Но ни через секунду, ни через две звезды на его запястье так и не зажглись багровым.

Чиновник мельком взглянул на незамерзающее от магии перо в своих пальцах, затем молчаливого Хардрика и на Эвана. Скрижаль молчала. Против аргументов лорда Севера и готовой к бунту города у него не было законных поводов увезти Торстейна прямо сейчас.

— Что ж... — столичный гость желчно сплюнул на окровавленный снег. — Небо сегодня милостиво к браконьерам, тебе сегодня крупно повезло, торговец. Мы уходим.

Гвардейцы быстро сбросили тяжелые цепи с избитого мужчины. Торстейн бессильно ткнулся лбом в снег, едва сохраняя сознание, но к нему тут же бросилась рыдающая жена и соседи, помогая подняться. Маленький Бьерн все еще стоял поодаль, продолжая лить слезы еще сильнее прежнего.

Чиновник развернулся к своей повозке. Проходя в шаге от Эвана, он ненадолго замер. В этот момент резкий порыв северного ветра задрал поношенный рукав куртки парня. Глаза чиновника сузились, на мгновение его взгляд зафиксировал абсолютно чистую, гладкую кожу запястья. Ни одной звезды, даже намек на нее.

Мерзкая ухмылка снова расплылась по лицу чиновника, он вывел несколько быстрых символов в своем кожаном свитке. Он не кричал, не угрожал. — Не знал, что во Фригусе человекоподобные свиньи водятся! — Еще раз плюнув в снег, столичный гость поднялся в крытую телегу и громко хлопнул дверцей. Повозка в сопровождении гвардейцев тронулась, растворяясь в ночной метели.

Часть 3

Толпа постепенно начала расходиться, уводя раненого Торстейна в избу. Когда на площади практически никого не осталось, к Эвану подошел лорд Хардрик. Он остановился рядом, вглядываясь в уходящую в тайгу дорогу.

— Ты молодец, что вступился. — тихо произнес Хардрик, положив тяжелую ладонь в меховой рукавице на плечо парня. — Но он видел твои запястья, Эван. Завяжи эти чертовы ремни, иначе в следующий раз я отрублю тебе руки.

Не дожидаясь ответа, лорд Фригуса развернулся и тяжелым шагом направился к своему дому, оставив Эвана наедине с его мыслями.

— Эван... — раздался тихий, дрожащий голос снизу.

Из-за угла ближайшего амбара вышел Бьерн, виновато уткнувшись носом в куртку героя. Мальчишка выглядел совсем потерянным: губы синели от холода, а по щекам катились слезы, моментально превращаясь в ледяные крошки.

— Это... это из-за меня, да? — прошептал ребенок, судорожно сжимая пальцами плотную ткань. — Если бы я не болтал про этих патрициев по пути домой... папу бы не тронули. Я во всем виноват.

Эван молча опустил на одно колено прямо в снег перед мальчишкой. Положив ладонь ему на плечо, как до этого с ним сделал лорд Хардрик, он посмотрел в заплаканные глаза Бьерна.

— Запомни этот день, Бьерн, — серьезно и мягко произнес Эван. — В Аурелисе за правду платят жизнью. Учись молчать, пока не станешь достаточно сильным, чтобы защитить свои слова. Понял, малявка?

Мальчик на секунду замер, вытер нос рукавом и шмыгнул, твердо кивнув. Развернувшись, он быстро побежал догонять свою семью, скрываясь за дверями бревенчатой избы.

Эван остался один посреди заснеженной площади. Город погрузился в глухую, тишину, только ветер выл где-то сверху, швыряя в лицо белые хлопья. Парень медленно достал из кармана отцовские кожаные ремни и туго затянул их на запястьях, скрывая чистую кожу.

Налетевший порыв ветра закрутил крутой буран, на секунду полностью закрыв обзор белой пеленой. Эван поднял взгляд на край города, где ели упирались в ночное небо.

Там, прямо на границе города и тайги, сквозь метель за ним кто-то наблюдал.

В полумраке четко прорисовывался огромный, величественный силуэт. Из темноты на Эвана смотрели два серебряно-ледяных глаза, а от шерсти зверя исходил едва заметный, лунный отблеск. Волд. Легендарный стражник этих гор и лесов стоял неподвижно, оценивая человека, спасшего жизнь другому в эту ночь.

Схватившись за рукоять, Эван вспомнил дневные слова старика: «Если увидишь серебряный силуэт в метели — не обнажай клинок. Таков закон.»

Парень медленно убрал руки, превращая их в мирный жест перед собой. Серебряный силуэт на мгновение склонил огромную голову, словно в молчаливом приветствии, и в следующее мгновение просто растворился среди деревьев, будто его и не было вовсе.

Эван глубоко вдохнул обжигающий морозный воздух, развернулся и шагнул по скрипучему снегу в сторону своего дома, а метель за его спиной лишь набирала силу, укутывая Хордалин снегом.

Глава 2 - Кальд и Эйлин

Часть 1

Утро в Хордалине не веяло теплом. Метель, бушевавшая всю ночь, наконец утихла, оставив после себя лишь давящую тишину и лютый мороз. Снег под ногами Эвана трещал, словно битое стекло.

Город казался вымершим. Ни детского смеха у учебного костра, ни привычного стука топоров. Лишь мелкие столбы серого дыма из деревянных труб указывали на то, что в избах есть жизнь. Обычные люди не могли себе позволить каменную кладку - подобное можно было наблюдать только в домах местных лордов или богатых торговцев. Впрочем, вечные северные морозы были здесь как нельзя кстати: толстая корка наледи на бревенчатых крышах надежно спасала избы от случайных пожаров из-за вылетающих искр.

Жители Хордалина не выходили на улицу без крайней нужды. Ночное появление столичного чиновника и отъезд его гвардейцев не принесли облегчения - они лишь натянули нервы людей до предела. Увеличение налогов еще сильнее подталкивало северян на бунт против столицы, но страх перед Аурелисом был слишком велик.

Эван подошел к избе Торстейна. Выбитая ночью дверь уже висела на петлях - кто-то из соседей помог приставить её на место и притянуть изнутри бичевкой, но это было лишь временное решение. Парень коротко постучал по промерзшему дереву.

- Кто?

- Это я. Эван.

- Входи.

У жителей Фригуса никогда не было привычки закрывать двери на засов. Все доверяли друг другу, а в лютый мороз любой путник мог зайти в ближайшую избу, чтобы согреться у чужого очага, - гостям здесь были рады всегда... Были рады...

Засов со скрипом сдвинулся, и дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы парень мог проскользнуть внутрь. В избе пахло гарью, сушеными травами и свежей кровью. У очага, тихо напевая беззвучную песню, жена Торстейна осторожно промокала тканью глубокую ссадину на виске мужа. Маленький Бьерн сидел в углу на лавке, что-то вырезая из бруска маленьким кинжалом. Увидев Эвана, мальчишка дернулся, открыл было рот, но тут же вспомнил вчерашний разговор, сжал губы и лишь виновато опустил взгляд.

- Марта, возьми Бьерна и сходите к дяде Йору за свежей хвоей, - тихо прохрипел Торстейн. Его лицо было покрыто темными гематомами, а правого глаза практически не было видно.

Женщина тревожно бросила взгляд на Эвана, но спорить не стала. Накинув тяжелые шкуры, она увела мальчишку, плотно прикрыв за собой дверь.

Когда они остались одни, Торстейн тяжело повернулся в сторону гостя, опираясь на деревянную скамью и с трудом сделал глубокий вдох, держась за ушибленные ребра.

- Садись, не стой у входа, - Указывая на место возле себя, глухо произнес мужчина. - Иними эти ремни, парень. Здесь никого нет.

Подойдя ближе Эван помедлил, но затем медленно распустил кожаные завязки на запястьях, выставляя на свет чистую, абсолютно гладкую кожу без малейшего намека на звездные метки.

- Я объездил весь Север, Эван, - Торстейн поднял на него свой единственный здоровый глаз, и в его взгляде не было страха или злобы, только тяжелая, взрослая усталость. - Я видел, как торгуют в Миррадене, видел, как работают каторжники на черных берегах Каира. Но столичную крысу с незамерзающим пером я не забуду никогда. Он внес твоё имя в свой свиток не ради забавы. И уж точно не потому, что ты огрызнулся. Ты ведь это понимаешь?

- Потому что меня не должно существовать, ошибка Кодекса, верно? - Тихо ответил парень.

- Кодекс - столичная брехня! - Не смог сдержать эмоции Торстейн. Он хотел ударить по скамейке, но кровь выступила из его рта гораздо раньше, чем он замахнулся. - Он пришел брать налог, но нашел кое-что получше. Тебя! Ну, или кого-то вроде тебя. Аурелис держит весь Целиум за горло не войсками и не стенами Цитадели. Они держат его этими проклятыми звездами на запястьях. Член Совета, гвардеец, обычный торговец - каждый из нас привязан к Скрижалям. А ты... ты для них как дыра в полу. Существо, которого не должно быть. Неконтролируемая ересь, которую невозможно оценить или приручить.

Торстейн утер губы тыльной стороной ладони, тяжелым взглядом смотря на Эвана:

- Если эта бумага дойдет до Цитадели, сюда пришлют не четверых гвардейцев в бордовых плащах. Сюда придут Палачи. И они не будут разворачивать Скрижаль Судеб - они просто сожгут Хордалин дотла вместе со всеми нами, если ты останешься здесь. Мне тяжело просить о подобном, ты для всех нас как сын, но ради нашего города, ради наших детей - уходи. - Протирая с щеки слезу, мужчина больше не смог поднять взгляд на сидящего перед ним ребенком. - Тебе нельзя здесь оставаться, Эван. Хардрик ищет тебя с самого рассвета. Иди к нему.

Часть 2

Слова Торстейна жгли изнутри сильнее, чем морозный воздух Хордалина. Эван молча поднялся, туго затянул кожаные ремни обратно на запястьях, и накинул капюшон. На пороге он на мгновение задержался, взглянув на согнутую спину торговца, но так ничего и не сказал - слова сейчас были бессмысленны.

Улица встретила его все той же давящей тишиной. Проходя по узким улочкам между бревенчатыми избами, Эван ловил на себе редкие, тяжелые взгляды через замерзшие окна. После услышанного, он чувствовал себя чужим, от этого становилось еще тоскливее.

Дом лорда Хардрика Снорсена сильно отличался от остальных построек. Это была внушительная крепость из потемневших от времени бревен, подпертая массивными каменными блоками у основания. Единственный в Хордалине каменный дымоход валил густым, сизым дымом. Лорд Фригуса не жалел дров.

Эван поднялся по широким ступеням и толкнул дубовую дверь. Внутри было тепло, пахло смолой, жареным мясом и крепким элем. На стенах висели шкуры северных медведей, пробитые щиты и тяжелые топоры - память о былых походах.

Хардрик сидел у огромного очага в одиночестве. На нем не было парадных доспехов, лишь простая шерстяная рубаха с засученными рукавами. На его мощных, покрытых шрамами предплечьях отчетливо темнели звездные метки Кодекса. Свежие, слегка обугленные края кожи вокруг меток говорили о том, что вчерашняя столичная магия далась лорду тяжело. Метки до сих пор зудели и горели, возраст берет своё.

В руке Хардрик сжимал рог, доверху наполненный пенным элем. Не поворачивая головы на звук шагов, он хрипло произнес:

- Закрой дверь, Эван. Не выпускай последнее тепло на улицу.

Парень притворил тяжелую створку и подошел ближе к очагу, не решаясь сесть.

- Торстейн уже сказал тебе, да? - Хардрик сделал глоток и наконец повернул голову. Его серые, словно замерзшая сталь, глаза смотрели прямо и устало. - Он прав. Донос этой столичной крысы уже не перехватить. Запись ушла с первым рассветным гонцом на почтовый мост.

- Значит, у меня мало времени, - тихо сказал Эван.

- У нас мало времени, - поправил его мужчина, опираясь локтями о колени. - Но я позвал тебя не для того, чтобы выгнать. Я не могу принимать такие решения, не позволю себе прогнать сына моего давнего друга. Я позвал тебя, потому что обязался перед твоим отцом.

Эван мгновенно поднял взгляд:

- Сына вашего друга? Вы... Вы знали его?

- Знал ли я Кальда? - Хардрик горько усмехнулся и подкинул полено в огонь, отчего вверх взметнулся сноп искр. - Мы спина к спине прошли не одну метель. И твой отец исчез шестнадцать лет назад не потому что заблудился в Полярных Пустошах или испугался работы.

Лорд сделал паузу, всматриваясь в пляшущее пламя:

- Эйлин... Какая была замечательная девушка. Неудивительно, что этот оборванец, никогда не снимающий свои перчатки, так долго гонялся за ней. Они были отличной парой, знаешь ли... Ты ведь совсем ничего не знаешь про своих родителей, верно? - С легкой, но грустной ностальгией лорд взглянул на Эвана.

- Только то, что вы мне рассказали, милорд.

- Эйлин - имя твоей матери. Эту парочку просто невозможно было оторвать друг от друга. Твой сегодняшний поступок - точное повторение давней истории, которая случилась сразу после твоего рождения. В тот день столичные крысы в очередной раз приехали собирать налог с наших земель. Ничего не предвещало беды, но один из личных гвардейцев случайно или нарочно пнул маленького ребенка на площади. Эйлин не смогла промолчать. Она бросилась прямо на вооруженного гвардейца, хотя в руках у неё была лишь обычная корзина с грибами.

Чем дольше Хардрик рассказывал эту историю, тем сильнее в его обычно суровом голосе проступала дрожь. Он сделал еще один глоток из рога и продолжить:

- В тот день никто не умер, благодаря твоему отцу. Кальд успел вмешаться и замять конфликт. Но на следующее утро твоей матери уже не было в городе. Когда я открыл глаза, первое, что я увидел, - был израненный Кальд, с ненавистью смотрящим на меня...

Хардрик сжал кулак, и металл питьевого рога со скрипом поддался в его пальцах. Он тяжело опустил взгляд, всматриваясь в раскаленные дрова.

- Он стоял прямо здесь, на этом самом месте. Истекал кровью после стычки со столичными ищейками, но в его глазах пылала отчаянная решимость. Кальд умолял меня пойти с ним в столицу, чтобы вытащить Эйлин из Цитадели. А я... Я отказал.

Лорд поднял глаза на Эвана, и парень впервые увидел в них не привычную суровую сталь, а глухую, разъедающую боль.

- Я не мог бросить Хордалин. Не мог бросить Фригус... Не мог оставить людей без защиты перед Аурелисом. Я выбрал свой долг лорда. Но с той самой ночи, Эван... ни один день не проходит без того, чтобы я не проклинал себя. Этот взгляд Кальда до сих пор снится мне по ночам. Я оставил своего лучшего друга одного против всех Палачей Цитадели. И эту вину я унесу с собой в могилу.

Хардрик тяжело поднялся с лавки, подошел к сундуку в углу комнаты и с металлическим треском проворачивающегося замка поднял крышку. Он достал предмет, завернутый в холст.

- Перед тем как уйти на юг, Кальд оставил мне кое-что. Сказал передать тебе, когда вырастешь. И взял с меня слово, что буду приглядывать за тобой.

Лорд развернул ткань. На его ладони лежал кулон из темного, словно обугленного металла с прорисованной головой дракона - символа в честь основателя Целиума.

- Это знак Сопротивления, Эван. Твой отец был частью тех, кто не смирился с властью Патрициев. Где бы ты ни оказался, покажи этот знак нужным людям в тени. Для любого другого там будет глухая стена, а перед тобой откроются тайные двери. Дело не только в Аурелисе, парень. Грязь, коррупция и беззаконие есть в каждом королевстве. Мир, в котором мы живем - вина каждого. И моя в том числе...

Хардрик вложил кулон в руку Эвана, а затем крепко сжал его ладонь:

- Я не пошел тогда с твоим отцом, и у меня нет права приказывать тебе. Я приму любое твое решение, Эван: останешься ты или уйдешь. Прости меня, если сможешь.

Эван не мог подобрать слова, он молча развернулся в сторону выхода, уставившись пустым взглядом в кулон.

Часть 3

Эван шел прочь от города, почти не разбирая дороги. Морозный воздух обжигал легкие, но парень не замечал холода. В голове кружились слова Хардрика, и представлялся образ матери с корзиной грибов, бросившейся на гвардейца. Пальцы в перчатке до боли сжимали тяжелый кулон с головой дракона.

Он углублялся все дальше в тайгу, туда, где вековые ели смыкались над головой, почти полностью заслоняя бледный свет зимнего неба. С каждым шагом вернуться обратно в город становилось всё сложнее - следы моментально засыпало снегом. Только пройдя пару верст и опомнившись от тяжелых размышлений, Эван остановился на заснеженной поляне. Снег под ногами искрился в синеватом полумраке, а вокруг царила та самая звонкая тишина, которая бывает лишь в самом сердце Фригуса. Она разительно отличалась от той, что осталась в Хордалине: казалось, будто время окончательно остановилось и всё живое вокруг замерло.

Вдруг эта тишина изменилась.

Сначала верхушки елей слегка затрещали, хотя ветра не было. Затем из чащи леса начал медленно тянуться густой туман. Из него бесшумно, словно сотканные из самого инея, на поляну начали выходить волки.

Они окружили Эвана полуколыцом. Звери не рычали, они лишь принохивались, слегка поводя влажными носами. Их взгляды были не голодными, а скорее озадаченными: волки переглядывались, словно не в силах понять, что за создание перед ними стоит.

Снег у края поляны хрустнул чуть громче, и из лесного тумана выплыл Серебряный Волд. Вожак был огромных размеров, а его шерсть переливалась словно литое серебро.

Зверь сделал пару шагов к Эвану и замер. Волки вокруг пригнули головы, уступая ему место. Ледяные глаза Волда въелись в парня, проникая прямо в душу.

В голове Эвана зазвучал низкий, вибрирующий голос - словно хруст ломающегося льда на реке:

«Ты прячешь руки под ремнями, человек... Но ремни не скроют того, кто ты есть».

Волд чуть накренил массивную голову, словно всматриваясь во что-то невиданное:

«Моя стая чувствует суть каждого двуногого. Для волков Фригуса правда горит в воздухе алой искрой, а ложь и гниль фонят ядовитой зеленью. Но от тебя не исходит ни цвета, ни следа. Ты - чистый лист. Ни звезды, ни цвета. Я видел твой поступок, бесцветный, рисковать своей жизнью ради другого - заслуживает уважение. Среди двуногих это редкость. Поэтому, ты сегодня не умрешь».

Зверь повернул морду на север, где за линией леса, над океаном, уже сгущалась непроглядная тьма.

«Скоро придет ночь полной луны. С севера из-за океана придет великая буря. Во время этого бурана ты должен выйти на лед. Там тебя будет ждать Тенепад. Выдержишь его - получишь то, зачем пришел. Падешь - станешь еще одной угасшей звездой».

С этими словами Волд сделал шаг вперед. Он подошел вплотную к Эвану, так близко, что парень ощутил исходящий от шерсти зверя сухой, обжигающий холод, похожий на дыхание самой вечной мерзлоты. Вожак задержал свой ледяной взгляд на затянутых ремнями запястьях Эвана, а затем резко, коротким движением ткнулся мокрым носом прямо в грудь парня. Ровно туда, где под одеждой прятался кулон с головой дракона.

Металл кулона под рубашкой мгновенно отозвался вспышкой тепла, прогнав онемение из груди Эвана.

Волд издал низкий, вибрирующий горловой звук - то ли предостережение, то ли прощание. Развернулся и легко, не оставляя глубоких следов на сыпучем снегу, шагнул в туманный лес. Стая бесшумно двинулась за ним. Вспышки серебряной шерсти мелькали между вековыми елями буквально пару мгновений, а затем тайга снова стала пустой.

Ментальное давление, сжимающее виски Эвана весь разговор, резко пропало. Парень тяжелым комом выдохнул накопленный в легких воздух, и серое облако пара тут же застыло в морозной тишине.

Окружающий лес больше не казался враждебным. Он казался... ожидающим.

Эван опустил взгляд. На свежем снегу, прямо перед его сапогами, остался один единственный четкий отпечаток массивной лапы Волда, уходящий в сторону Хордалина. Зверь будто указал ему безопасный след назад сквозь заметанную метелью чашу.

Парень коснулся груди через плотную ткань меха, почувствовав, как кулон отца всё еще хранит странное, животное тепло. От этого прикосновения или от дыхания самого Волда - внутри вспыхнул мягкий, едва уловимый огонек.

Привычное ощущение колючего северного мороза мгновенно изменилось. Эван всё так же чувствовал обжигающий воздух, видел, как пар вырывается из груди, и слышал хруст снега под ногами, но стужа больше не пробирала до костей. Тело больше не дрожало, а пальцы, еще минуту назад онемевшие от ветродуя, начали сохранять живое тепло.

Слова Волда о буране, Тенепаде и погасших звездах эхом отзывались в голове. Эван ту же затянул ремни на запястьях, развернулся по оставленному следу и шагнул обратно в сторону города.

Глава 3 - Лесной лагерь

Часть 1

Когда Эван вернулся в Хордалин, полдень уже миновал. Суровый город постепенно оправлялся после вчерашнего: на улицах скрипели телеги, разгребался свежий снег, а из дымоходов тянулся густой дым. Но в воздухе все равно висело напряжение, люди шарахались от каждого стука, опасаясь возвращения столичных гостей.

Возле своей мастерской Эван заметил старика Йору. Учитель очищал от наледи широкие деревянные сани, задумчиво разглядывая небо.

- Вернулся-таки, а? Где пропал? - Йору выпрямил сутулую спину и оперся на черенок лопаты. - Молодежь после вчерашнего совсем сама не своя...

Старик оглядел парня темным взглядом и негромко продолжил:

- Мне нужно заготовить сухой хвой до того, как с севера нагрянут настоящие бураны. По-секрету тебе скажу, чтобы поддержать молодых ребят, мы хотим за одну ночь отремонтировать избу для учений... Собираюсь отправить детишек в дальний лесной лагерь на ночь. Поохотиться, нарезать лапника, да и просто выбить из их голов весь этот столичный страх, сам понимаешь. А как вернутся - будет им праздник. Бьёрн тоже рвется, да только у меня ноги на морозе совсем крутит. Возраст, хе-хе. Сходишь с ними за старшего? Места там тихие, избушка у речного обрыва прочная, печь держит тепло на славу.

Эван помедлил, нащупывая сквозь ткань меха кулон отца. До полнолуния и той самой северной бури, о которой говорил Волд, оставалась пара дней. Ночевка в глубоком лесу - идеальная возможность привести мысли в порядок, собраться с силами перед выходом на лед и присмотреть за детьми.

- Можешь не продолжать, я понял. Отведу. — перебил его Эван

- Вот и ладно, - старик тепло улыбнулся, - Собери мелких к полудню

- Я видел их, - парень резко оглянулся по сторонам и понизил голос

- Видел кого?

- Волдов. Точнее, одного... Серебряного... В наших легендах разве не говорится, что они ходят в стаях себе подобных?

Йору замер. Улыбка мгновенно сошла с его лица, а лопата в сухих пальцах едва заметно дрогнула. Старик метнул быстрый, настороженный взгляд на темнеющую за крышами тайгу, будто опасаясь, что кто-то из леса услышит их разговор.

- Серебряного, говоришь?.. — Йору сделал шаг ближе, понизив голос до глухого шепота.

- Ты видел целую стаю Волдов?

Увидев реакцию старика, Эван непроизвольно перешел на шепот:

- Нет. Там была стая обычных фригуских волков... и их вожак. Серебряный Волд. Что-то не так?

Йору тяжелым взглядом впился в лицо парня, а затем качнул головой, словно не веря услышанному:

- Для начала - ты жив. Не так - всё, Эван. Волды никогда не ходят с обычными волками. Они живут своими стаями, глубоко на Севере, подальше от людских глаз. Если Волд идет во главе обычной волчьей стаи - значит, он либо отбил от своих, либо его изгнали. Но чтобы дикие волки подчинились ему и признали вожаком... Такого на моей памяти еще не было. Для них он - чужак.

Старик на мгновение замолчал, всматриваясь в заснеженную стену леса.

- Легенды врут про многое, но не про них. Они не просто звери. И если Волд спустился так близко к Хордалину... тайга что-то чувствует.

Эван сжал в кармане кулон отца, предпочтя умолчать о том, что этот Волд не просто стоял во главе стаи, а говорил с ним прямо в голове.

Йору хотел продолжить разговор в более укромном месте, как из-за угла мастерской выбежал Бьерн. Мальчик был укутан в слишком большой для него овчинный кожух, а его сапоги смешно утопали в рыхлом снегу. Но главное - на его запястьях были криво, но с упорством завязаны старые кожаные бечевки. Точь-в-точь как ремни, которыми Эван прятал свои чистые руки.

Завидев Эвана, Бьерн мгновенно выпрямился, стараясь шагать сдержанно и размашисто - именно так, как ходил сам Эван. В руках мальчик судорожно сжимал небольшую сосновую фигурку и тупой резчик.

- Эй! Я здесь! - Бьерн начал прыгать на месте, размахивая руками. Глаза мальчишки горели искренним, ничем неподдельным восторгом. - Дядя Йору сказал, мы идем в дальний лагерь на охоту? Я заготовил сухожилия для лука и... я вырезаю кое-что! Показать?

Мальчик на секунду замялся, пряча подарок за спину, словно боялся, что его маленькая тайна раскроется раньше времени. На мягком дереве уже проигрывался силуэт фигуры человека с гордо поднятой головой.

Эван мягко взъерошил снежную шапку на голове Бьерна и чуть заметно улыбнулся:

- Покажешь у костра, Бьерн. Собирай остальных - встречаемся у ворот. До заката нужно быть у обрыва.

Парнишка сиял так, будто ему подарили весь Фригус. Он резко развернулся и помчался к домам друзей, сжимая в кулачке сосновую фигурку - символ своей слепой веры в старшего друга.

- Какой светлый ребенок... - Йору провожал бегущего парнишку долгим, теплым взглядом. - Его ждет светлое будущее, Эван. Вот увидишь.

Эван ничего не ответил. Он лишь повернулся к югу и вскинул ладонь к блеклому зимнему солнцу, отмеряя пальцами расстояние от светила до верхушек соснового леса. Четыре пальца. До того, как тайгу накроют непроглядные сумерки, оставалось чуть больше часа.

- Пора отправляться.

Часть 2

Снаряжение собрали быстро. Вместе с Эваном и Бьерном в путь отправились еще трое городских детишек - молчаливый сын дровосека Ингвар, бойкая дочка пекаря Астра и её младший брат Томас. Дети были рады вырваться из Хордалина: гнетущий страх перед Палачами Аурелиса остался за бревенчатыми воротами, а впереди ждала настоящая лесная вылазка.

Шли цепочкой. Эван прокладывал путь в глубоком снегу, а Бьерн старательно шагал след в след за своим «старшим братом», ни на шаг не отставая и придерживая за руку маленького Томаса, чтобы тот не увяз в сугробах.

Мысли Бьерна:

«Смотри, как Эван держит спину. Он даже не вздрагивает, когда тяжелые ветки сбрасывают снег. Если я буду слушать его, я тоже стану настоящим охотником. И никому в городе больше не позволю обижать ни маму, ни папу, ни мелких».

К тому моменту, когда солнце окончательно зашло за горизонт, окрасив небеса в багрово-фиолетовый цвет, отряд добрался до нужного места. На краю речного обрыва, укрытого гигантскими вековыми елями, стоял добротный бревенчатый сруб.

Эван раздал каждому задания, и ребята быстро взялись за дело: Ингвар наколот сухих сосновых поленьев, Астра устроила младшего брата Томаса у очага и наложила домашнего лапника для подстилок, а Бьерн с гордым видом раздувал угли в чугунной печке. Вскоре в избушке стало жарко и уютно, а в воздухе закружился густой аромат смолы, сухой хвои и греющегося травяного чая.

Когда за окном окончательно стемнело и в верхушках деревьев завыл ветер, дети уселись поближе друг к другу вокруг полыхающей печи. Маленький Томас уже сладко дремал, удобно расположившись головой на ее коленях.

Бьерн устроился ближе всех к Эвану. Он достал из кармана тупой резчик и свою сосновую фигурку. Стружка тихо осыпалась на бревенчатый пол, всё четче открывая силуэт человека с гордо поднятой головой.

- Эван... - тихо подала голос Астра, мягко обнимая брата и смотря на отблески пламени. - А правда, что Великие Королевства создали не люди, а древние звезды, которые упали с неба?

Ингвар лишь фыркнул, делая вид, что он слишком взрослый для сказок, но тоже подвинулся ближе к огню, уставившись на Эвана. Дети с нетерпением ждали истории.

Молодой парень подкинул пару бревен в печь. Вспомнив слова Волда о приближающемся буране и Тенепаде, парень тихо заговорил:

- Не совсем так, Астра... Старики говорят, что в самом начале не было ни Фригуса, ни Миррадена. Были лишь дикие, безымянные земли, где люди жили как звери... В страхе перед тьмой и непрекращающимися войнами.

Дети замерли. Даже Бьёрн приостановил резчик, держа сосновую фигурку у самого сердца, и жадно впитывал каждое слово.

- Все изменилось, когда с неба сошли Первородные. Древние духи, сотканные из чистого света и первых клятв, - продолжал Эван. - Их было четверо. Каждый из них опустил по четырем сторонам света, заложив основание Окраинных Королевств.

Эван поправил прогорающее полено в печи, и сноп золотых искр взлетел к потолку.

- На севере опустил свой ледяной посох **Фриг**, Дух Холода. Он произнес Клятву Чести и заковал **Фригус** в мороз. Не для того, чтобы уморить людей стужей, а чтобы выковать в них крепость духа и отсечь любую ложь. Ведь на морозе, как вы знаете, лжец замерзает первым. На западе **Мирр** подарила жизнь водным землям **Миррадена**, сделав его обителью туманов, глубоких рек и морей. На юге зажег свое пламя **Солл** - так и появился **Солант** - коровество бескрайних пустынь, палящего солнца и мастеров клинка. А на востоке взошел **Эврон**, где среди древних гор и самой плодородной почвы на материке **Целлум**, Первородный заложил обитель мудрости и плодородия. И назвал ее в свою честь - настолько мудр был.

Парень ненадолго умолк, устремив взгляд в трещащие угли:

- А в самом центре, где пересекались границы всех четырех земель, Первородные сотворили Центральное Королевство Аурелис - сердце мира и оплот равновесия. Они научили людей законам, ремеслам и чести. А когда их земной век окончился, они поднялись обратно на небо, став самыми яркими звездами, что освещают путь заблудшим.

- А что с остальными звездами, Эван? - тихо спросила Астра, обнимая брата. - Теми, что поменьше? Их же на небе такое огромное количество! Они тоже духи?

- Нет, - Эван подлил горячего чая каждому ребенку, кроме спящего Томаса - Маленькие, почти виднеющиеся звезды - это души людей. Тех, кто жил по чести, не предавал и боролся за правду до последнего вздоха. Когда такой человек умирает, его душа возносится на небо и зажигается крошечным огоньком.

Парень ненадолго замолчал. В избушке было слышно лишь тихое сопение да хруст бревен в печи.

- Но если на земле становится слишком много лжи, крови и предательств... небеса не выдерживают. Звезды начинают гаснуть и срываться вниз. Это и есть Тенепады. Они падают на землю во время самых жестоких буранов - холодными, сгоревшими осколками. Падающая звезда - это не красивое желание, ребятушки. Это чья-то растоптанная душа.

Ингвар сглотнул, уставившись на пламя:

- А если человек найдет такой осколок?

- Тот, чье сердце чисто, может вернуть ему прежний свет, - тихо ответил Эван, нащупав под рубашкой отцовский кулон. - Но если в душе человека живет гниль... Тенепад заберет его тепло, превратив в еще одну замерзшую тень.

Астра уже тихо укрывала заснувшего Томаса, Ингвар потягивался, устраиваясь на лапнике и готовясь ко сну, и только Бьерн не собирался ложиться. Он сидел неподвижно, сжимая в ладони сосновую фигурку, и не спускал глаз с Эвана.

Мысли Бьерна:

«Он знает всё... Эван - единственный взрослый, который говорит с нами как с равными, и его сердце чистое, как первый снег. Когда я вырасту, я стану таким же сильным и мудрым. Я буду ходить рядом с ним и защищать его от любой тьмы, чего бы мне это ни стоило».

- Ложись спать, Бьерн, - тихо прошептал Эван, поправив охапку лапника у печи. - Завтра в путь рано.

- Угу... - мальчик послушно кивнул, бережно спрятал деревянную фигурку у самого сердца и свернулся калачиком совсем рядом с Эваном.

За окном избушки метель окутывала тайгу, а на ночном небе одна за другой гасли редкие холодные звезды, готовясь к предстоящей буре.

Часть 3

Утро встретило отряд хрустальным, морозным звоном. Солнце едва успело выйти из-за зубчатых верхушек тайги, отбрасывая на сугробы длинные тени.

Прежде чем собирать тяжелые вязи лапника и возвращаться в город, Эван вывел ребят на заснеженную поляну неподалеку от речного обрыва. В свежем снегу четко отпечатались цепочка небольших ямок.

- Бьерн, поди сюда, - тихо позвал Эван, приседая на одно колено прямо в рыхлый сугроб.

Мальчишка мгновенно подобрался и подбежал, стараясь даже ступать так же бесшумно, как Эван.

- Смотри на этот след, - Эван указал пальцем на цепочку парных ямок на снегу. - Кто шёл?

- Заяц-беляк, - уверенно выпалил Ингвар, подошедший сзади. - Пробежал совсем недавно, снег в ямках еще не присох.

- Правильно. Но неопытный охотник на этом бы и успокоился и побежал вперед, - Эван качнул головой и опустил ладонь к самому краю отпечатка, не касаясь его. - А теперь взглядишь глубже. Видишь, правый отпечаток задней лапы чуть завален вбок, а передние вытянуты сильнее обычного? Заяц не просто шел кормиться. Он петлял, путал след и припадал к земле. Он высматривал сверху тень.

Эван поднял руку и указал резчиком ввысь на верхушку старой сосны в пятидесяти шагах от них.

- На верхушке снег стряхнут с ветки. Ушастый уходил не от волка и не от лисы. Он уходил от совы. А это значит две вещи: во-первых, зверь напуган и будет сидеть в глухом лесоповале, а не на открытой поляне. Во-вторых - над нами гуляет хищник, а значит, громко хрустеть сучьями под ногами сейчас нельзя - спугнешь обоих.

Бьерн затаил дыхание. Его глаза горели восторгом: Эван читал снег и деревья так легко, словно это была открытая книга!

- На морозе лес становится хрустальным, - продолжал Эван. - Шаг по снегу слышен за сотню метров. Поэтому наступать надо не на пятку, а плавно перекачивать стопу с носка на внешний край, чтобы снег под сапогом не хрустел, а тихо оседал. Попробуй.

Бьерн сделал осторожный шаг, смешно скривив губы от напряжения. Снег под его сапогом лишь тихо просел. Мальчик победоносно взглянул на Эвана.

- Видишь, - одобрительно кивнул парень, а затем протянул Бьерну тяжелую рукоять своего ножа: - А теперь хват. Когда разделяешь тушу или режешь лапник на морозе - никогда не сжимай рукоять всем кулаком изо всей силы. Пальцы немеют за пять минут. Держи вот так:

указательный палец вдоль обуха, большой прижимает боковину. Нож должен стать продолжением твоей руки. Чувствуешь?

Эван аккуратно поправил детские пальцы своими огрубевшими ладонями.

Бьерн гордо кивнул, постаравшись запомнить положение пальцев до мельчайших деталей. Ощущение тяжелой стали в руке и теплой уверенности, исходящей от Эвана, заставило мальчишку сжать губы, чтобы не засиять от счастья во весь рот.

Пока Ингвар аккуратно сбивал метким броском с тяжелого соснового сука зазевавшегося на ветке рябчика, Эван нарезал вместе с ребятами вязи лапника.

Но через полчаса вылазки, тишину нарушил частый стук зубов. Маленький Томас начал поджимать оковеневшие пальцы в варежках, Астра все чаще дышала на покрасневшие кулачки, да и Бьерн, хоть и старался держаться перед Эваном молодцом, то и дело шмыгал носом.

Эван поймал себя на странной, почти жуткой мысли.

Он смотрел на дрожащих детей и... не понимал их, ведь уже сутки не ощущал холода. Мороз больше не обжигал его легкие, не сковывал пальцы, не заставлял кровь стынуть в жилах. Хлад внутри него сжился с телом настолько, что окружающая стужа казалась родным, привычным воздухом.

Эван осмотрел подмерзших детей.

- В город не пойдем, пока не согреетесь. Позавтракаем прямо здесь.

Ребята мгновенно оживились. Ингвар и Астра быстро натаскали сосновых веток и пару смолистых поленьев, а Бьерн гордо принес охапку бересты для растопки, стараясь орудовать ножом так, как только что учил Эван.

Через пару минут на поляне уже затрещал огонь. Эван умело выложил из бревен шалаш, закрыв пламя от порывов ветра, и накрыл очаг импровизированным треножником из крепких веток. В небольшом котелке быстро закипел снег, превращаясь в чай из сушеных таежных ягод и хвои, а над углями на деревянных вертелах зашкворчало свежее мясо.

Подсевшие вплотную к огню дети жадно протянули руки к телу. Маленький Томас, обжигая пальцы, жевал горячее мясо и запивал его обжигающим чаем, а Астра наконец перестала дрожать, улыбаясь согревшемуся брату.

Бьерн устроился прямо у ног Эвана. Держась за горячую кружку обеими ладонями, он с нескрываемым восхищением смотрел, как тот спокойно сидит у самого пламени.

- Эван, ты не будешь есть? - спросила Астра, утерев губы.

На этот жест девочки все дети тут же обратили внимание: сочное мясо жадно уплетали все, кроме самого Эвана. В его руках была лишь кружка с остывающим чаем, к которому он даже не прикоснулся.

Эван опустил взгляд на свои ладони. Запах жареного мяса, который ещё год назад заставлял бы его желудок сжаться от голода после долгой прогулки на морозе, сейчас казался абсолютно чужим. Хлад внутри не просил еды и не требовал тепла. Либо встреча с Серебряным Волдом что-то изменила внутри него, либо так сказывается тревога перед надвигающейся бурей.

- Я ел перед выходом, - соврал Эван, мягко улыбнувшись уголками губ, чтобы не пугать ребят. - Ешьте сами. Вам силы нужнее.

«Раньше я бы отдал всё за кусок горячего мяса на таком морозе...» - подумал Эван, сжимая кружку. - «А сейчас я даже не чувствую его манящего запаха. Что со мной происходит?»

Томас, не долго думая, с радостным писком протянул руку к порции Эвана, но Астра тут же шутиливо шлепнула брата по ладони:

- Томас! Сначала доешь свое!

На поляне снова раздался дружный детский смех, ненадолго разогнав тяжелое молчание.

Спустя пару минут, когда с завтраком было покончено, а щеки ребят снова налились здоровым румянцем, Эван поднялся и затоптал угли пушистым снегом.

- Все согрелись? - парень посмотрел на отряд. - Тогда выходим, в Хордалине нас уже ждут.

Бьерн всю дорогу шагал точно след в след за Эваном. Мальчик время от времени прижимал ладонь к груди сквозь тулуп - проверял, на месте ли сосновая фигурка. Он твердо решил доделать её идеальной и подарить Эвану вечером.

Когда впереди замаячили деревянные крыши Хордалина, дети первыми заметили неладное - у ворот кипела необычная работа. Учебно-тренировочная изба, которую мужики еще вчера собирались лишь слегка подлатать, преобразилась до неузнаваемости. За одну ночь плотники и столяры вставили свежие бревенчатые венцы, от которых пахло сладкой смолой, перекрыли крышу новыми досками, а на пороге старик Йору заканчивал укреплять широкие ступени.

- Смотрите! - Астра радостно всплеснула руками и сбросила свою охапку ветвей прямо на снег. - Они правда её починили!

Маленький Томас задорно смеялся, пока сестра кружила его на руках, а молчаливый Ингвар быстро побежал к крыльцу - разглядывать новые крепкие мишени, установленные для метания ножей.

Старик Йору вытер шапкой пот со лба и, заметив Эвана, тепло улыбнулся.

- Успели, как и обещали, - тихо проговорил старик, когда Эван подошел ближе. - Пусть у ребят будет праздник... Дети должны радоваться, хотя бы сегодня.

Бьерн подбежал к Эвану, дернув его за край куртки, показывая на обновленное здание:

- Эван, когда мы будем здесь тренироваться, ты научишь меня тому самому броску резчиком? Ну, как ты показывал Ингвару в лесу?

- Научу, Бьерн. Обязательно научу, - мягко ответил Эван, взъерошив его шапку.

Эван поднял взгляд к небу. Праздничный гул горожан и смех детей затихали в его ушах, уступая место тяжелому, нарастающему гулу. На севере, прямо над ледяными пиками, тучи наливались тяжелым, темным цветом. Воздух становился плотным, электрическим, замораживающим легкие.

Эван прикоснулся к отцовскому кулону на груди.

Время вышло. До заката оставались считанные часы, а с севера уже надвигалась Ночь Полнолуния, вместе с великой бурей, о которой предупреждал Серебряный Волд.

Глава 4 - Аномалия

Часть 1

Возле свежестроенной избы для учений стоял радостный детский гул. Смола на новых бревенчатых венцах приятно пахла хвоей и свежим срубом, заглушая привычный запах дыма и гари. Дети, еще уставшие после ночевки в лесном лагере, с азартом разгружали сосновый лапник и сбивали иней с новеньких ступеней. Маленький Томас задорно смеялся, пока Астри кружила его у входа, а Бьерн то и дело поправлял за поясом сосновую фигурку, с нетерпением поглядывая на Эвана. Взрослые добились своего: в Хордалин ненадолго вернулась жизнь, а столичный страх отступил перед простой человеческой радостью.

На центральной площади Хордалина кипела совсем другая, суровая работа. Лорд Хардрик Снорсен лично руководил подготовкой города к надвигающейся стихии. Скинув парадный меховой плащ и оставшись в одной шерстяной рубахе, лорд вместе с плотниками укреплял стены складов массивными брусками и раздавал из собственных запасов сухие угольные брикеты и дрова тем семьям, у кого очаги остывали быстрее всего из-за дыр в стенах.

Совет Пяти в Аурелисе опять поднял налоги и урезал поставки, обрекая окраины на вымирание, но Хардрик намеревался вытащить свой город из этой зимы любой ценой.

- Эй, на воротах! Затянуть цепи на крышах! - Гремел голосом Хардрик, указывая огромной ручищей на бревенчатые избы. - Буран с севера идет такой, какого эти горы не видели лет десять! Чтобы ни одной щели не осталось! Иначе мы улетим вместе со снегом к чертовой матери, поняли меня?!

Проходя мимо, Эван ненадолго перехватил тяжелый, усталый взгляд лорда. Хардрик не стал задавать лишних вопросов. Он лишь коротко кивнул парню, пробежавшись взглядом по его туго затянутым кожаным ремням на запястьях. В этом молчаливом жесте читалось всё: и отцовская тревога за сына старого друга, и мрачное понимание того, что Аурелис не прощает ошибок, а время на исходе.

Эван медленно отступил в густую тень бревенчатого амбара

Блеклое северное солнце, похожее на тусклую лампу, стремительно сползало за оскаленные ледяные пики гор. Небо над Фригусом затягивалось мглой, а на севере, прямо над ледяными иглами, тучи наливались темным и смертельным хаосом.

Воздух в Хордалине менялся на глазах. Он становился плотным, тяжелым, электрическим, настолько ледяным и сухим, что каждое дыхание давалось с трудом, оставляя во рту железный привкус. Деревья на окраинах города начали издавать жуткий, предупреждающий треск, хотя ветра внизу ещё практически не было. Но наверху, над верхушками вековых елей, уже раздавался низкий, вибрирующий гул. Великая буря, о которой предупреждал Волд, подступала к границам города.

Прямо под плотной тканью поношенной куртки, у самого сердца, внезапно откликнулся отцовский кулон.

Темный металл с изображением дракона вспыхнул сухим, животным теплом, отдаваясь ровной пульсацией по всему телу. В ту же секунду Эвана понял, что время пришло. Тревожные мысли обрушились на него, заглушая стук топоров и выкрики плотников на площади.

Эван остановился у выхода из города. За его спиной продолжалась жизнь: Бьерн что-то с азартом объяснял Томасу, маша руками и показывая новую сосновую фигурку, старик Йору утирал пот со лба, удовлетворенно разглядывая крепкие ставни избы; Астри смеялась, отряхивая снег со ставней. Все они искренне верили, что за этими крепкими бревнами и зажженными очагами смогут укрыться от любой беды.

Парень прекрасно понимал: остаться - значит обречь Хордалин на смерть. Но у него было еще несколько дней до их прибытия. Этого времени хватит, чтобы засветиться где-то по пути в Мирраден.

«Они все будут в безопасности»

Поправив капюшон, Эван в последний раз проверил кожаные ремни на руках, туго затянул узел зубами и развернулся спиной к огням города.

Снег под его сапогами проминался с тихим, сухим треском.

Он миновал массивные дубовые ворота, даже не взглянув на стражников, и шагнул на узкую тропу, уходящую вниз к погружающемуся в непроглядную тьму руслу замерзшей реки.

- Пацан! Помереть захотел? Быстро возвращайся! - Кричал ему вслед один из стражников, но метель подобралась достаточно быстро, чтобы перекрывать своим гулом любые крики.

Впереди его ждали лишь рев надвигающегося урагана и Ночь Полнолуния.

Часть 2

Буран полностью накрыл Фригус. Деревья трескались надвое, не в силах сопротивляться буре.

С севера, прямо с ледяных пиков, обрушился ад, о котором предупреждал Волд. Это была не просто метель, стихия словно пыталась содрать кожу с самой земли. Ураганный ветер ревел, как сотня раненых зверей, подсекал под ноги и швырял в лицо тысячу ледяных игл. Каждый порыв выбивал воздух из легких, заставляя задыхаться снежной пылью. Продолжать идти было сравнимо самоубийству.

В трех шагах не было видно собственной протянутой руки. Небо и замерзшая река слились в единый, хаотично вращающийся белый шум. Вспышки далеких молний на мгновение высвечивали свинцовые тучи, но тут же гасли, погружая мертвую пустыню обратно в непроглядный полумрак.

Эван шел вперед, преодолевая каждый метр с боем. Хлад внутри него, который еще недавно защищал от мороза, больше не помогал против дикой, сокрушительной мощи бури. Ветер наваливался тяжелой стеной, сбивал с ритма и буквально швырял его назад. Снежный наст под сапогами с хрустом рушился, и Эвану приходилось изо всех сил вгрызаться пятками обуви в гудящий, вибрирующий лед реки, чтобы его просто не унесло обратно в тайгу, из которой он только что вышел.

Каждый шаг давался с невероятным трудом: мышцы забивались, ноги вязли в сугробах, а пальцы, намертво вцепившиеся в воротник, теряли чувствительность от жуткого напора ветра. Летящий в лицо лед оставлял порезы, но Эван не опускал головы.

И прямо посреди этого бесконечного хаоса возвышалась Аномалия.

Под блеклым светом луны, едва пробивающимся сквозь толщу туч, замерла сфера абсолютного покоя. Снежный шторм, бешеные вихри и ледяной буран не могли пробить её видимую границу. Они беспомощно обволакивали этот идеальный пузырь по широкой дуге. Стихия словно спотыкалась об него, создавая вокруг аномалии круговорот из снега.

Внутри этого кокона не было снега. Там клубилась фиолетово-черная, плотная мгла. Сгоревшая, растоптанная клятва, спустившаяся с небес прямо на растрескавшийся лед - Тенепад.

Вдруг нечто пришло в движение. Тенепад почувствовал приближение живой души.

В глубине непроницаемой тьмы с угрожающим гулом одновременно вспыхнули два диких, хищных глаза. Они горели голодным, ядовитым желтым цветом, не мигая всматриваясь сквозь пелену снежной стены. Взгляд этого существа обладал тяжестью гор, он приковал Эвана к месту, намертво сжав его тисками внутреннего ужаса.

«БЕГИ! БЕЖАТЬ! Я ДОЛЖЕН БЕЖАТЬ! Я УМРУ!»

Каждая клетка его тела закричала об одном и том же. Это был не обычный страх перед хищником или смертью. Это был первобытный, животный ужас перед вещью, которая нару-

шала сами законы Целиума. Вещью, которой категорически не должно было существовать среди живых.

С каждым выстраданным шагом Эвана к сфере в его голове нарастало тяжелое, губительное давление. Гудящий, низкий писк забил уши, превращаясь в плотный шум, от которого закипала кровь. Виски сжало так, словно череп сдавливали железным обручем, а из носа на замерзшие губы капнула первая капля крови.

Это было только начало. Вместе с гулом хлынули чужие, давно угасшие голоса.

Сотни и тысячи переплетающихся, рвущих душу криков. Плач замерзающих насмерть детей, предсмертные стоны преданных воинов, вопли замученных в Цитадели людей и шепот растоптанных надежд. Все те души, чьи звезды сорвались с неба во время прошлых буранов, теперь орали прямо в его голове, требуя вернуть им потерянный свет или навсегда разделить с ними их вечную тьму.

Эван закричал от пробивающей мозг боли. Его пальцы в перчатке до хруста костей сжали отцовский кулон на груди, высекая из холодного металла последнее живое тепло.

Каждый новый шаг превратился в настоящую пытку. Ледяной ветер сдувал его, как соломинку, заставляя буквально ползти по вибрирующему льду реки. Эван оступился, тяжело рухнул на колени, и наст тут же впился в его кожу. Во рту стоял густой, приторный вкус собственной крови, заливающей подбородок.

Вокруг не осталось ничего, только всепоглощающий мрак и ослепляющая, нечеловеческая боль в голове.

Чужие крики в голове переросли в единый, оглушительный вопль. Он слышал, как гибнут люди, как рушатся их судьбы, как плачут брошенные дети, чьих родителей утатила гнилая власть Аурелиса. Этот вопль ломал его изнутри, сжимал тисками грудную клетку и лишал воздуха. Ноги отказывались служить, пальцы на руках немели и выгибались судорогами, а сознание намертво застлала пелена, приказывая сдаться.

«Вставай!» - пробормотал он сквозь сжатые, окровавленные зубы, цепляясь за снег обесилевшими пальцами. - «Вставай, ребята ждут... Хордалин ждет...»

Все эти мучительные метры Существо в центре сферы не спускало с него глаз.

Вблизи оно выглядело ещё кошмарнее. сгусток фиолетово-черного, ядовитого дыма постоянно пульсировал, изгибался и менял форму, словно тысячи сгоревших, истерзанных душ бились внутри этой невидимой клетки.

Но хуже всего были глаза.

Они горели среди черного дегтя не человеческим разумом, а чистым, первобытным голодом. Ядовито-желтые, с узкими, вибрирующими звериными зрачками, они въедались в самую душу Эвана. В этом мертвом взгляде не было ни капли сострадания, лишь жажда крови. Тенепад высасывал последние силы Эвана, с наслаждением наблюдая, как человек ломает кости и сдирает кожу, пытаясь сделать хотя бы шаг навстречу.

Он ждал, гипнотизировал, давил своей чудовищной аурой и заставлял каждую живую жилу в теле Эвана скручиваться от ужаса.

Перед глазами на миг вспыхнуло лицо Бьерна, прижимающего к груди недорезанную сосновую фигурку. Сгорбленный Торстейн, вытирающий кровь с разбитого лица. Истерзанное болью лицо Хардрика. Теплая улыбка старика Йору... Эти простые образы, напоминающие дом, заставили Эвана рывком поднять голову.

Собирая в кулак последние капли угасающей человеческой воли, он поднялся. Встречный порыв шторма едва не швырнул его назад в тайгу, но парень выдержал. Превозмогая парализующий, зверский взгляд Тенепада, он шел напролом. Волоча за собой тяжелые ноги, через стоны и вопли погибших душ, через разрывающий легкие мороз. Прямо к гудящей, фиолетово-черной границе аномалии.

И когда до нее оставался один-единственный шаг, Эван, уже почти потеряв сознание от дикой боли, сделал над собой нечеловеческое усилие и шагнул в мертвую тьму.

И в ту же секунду все исчезло.

Наступила мертвая, давящая на барабанные перепонки тишина. В этой идеальной вакуумной пустоте не было слышно ни рева бури, ни треска льда. Голоса тысяч душ в голове в одно мгновение оборвались. Единственным звуком в этой тишине остался хриплый, рваный выдох самого Эвана да редкие капли крови, падавшие с его подбородка на кристально-гладкий лед.

Эван пересилил онемение в затылке и медленно поднял взгляд.

Перед ним стоял человек.

Это был он сам. Но... другой.

Двойник смотрел на него из далекого, темного будущего. Он выглядел старше, его плечи стали шире и массивнее, а поношенная шуба превратилась в изорванные, пробитые десятками клинков доспехи. Но самое жуткое было не это.

Лицо и руки этого человека были сплошь вымазаны в свежей, густой, еще не остывшей крови. Она стекала по его подбородку, тяжелыми каплями падала с сжатых кулаков и липла к кожаным ремням. А из-под его приоткрытых глаз вырывался яркий, нечеловеческий, безумный лунный свет.

От фигуры из будущего волнами исходила настолько концентрированная, удушающая жажда крови и убийств, приказывая склонить колено и опустить голову. Это был не тот человек, играющий с детьми. Это был жестокий монстр, прошедший через тысячи смертей и утопивший в крови всё на своем пути.

«Цена...» - пронесся шипящий звук в застывшем разуме Эвана.

Двойник из будущего сделал шаг вперед. С треском и вибрирующим гулом кожа на его запястьях, там, где у Эвана никогда не было звездных меток, начала лопаться. Из глубоких рваных ран наружу с оглушительным треском вырвались слепящие, чистые лучи света. Они рассекали полумрак сферы, сжигая остатки фиолетового дыма.

Мужчина вздернул руку и намертво впился окровавленной кистью в запястье молодого Эвана.

Их взгляды встретились. В горящих глазах человека не было ни сожаления, ни прощения, только глухая ненависть и необузданная ярость.

Фигура перед Эваном начала стремительно распадаться на тысячи светящихся осколков, напоминающих сажу. Вся эта колоссальная, древняя сила Тенепада и леденящая жажда крови хлынули прямо через сжатое запястье внутрь молодого парня.

Эван закинул голову в немом крике. Его вены вспыхнули чистым хладом, а кости словно начали перемалываться в пыль.

В следующий миг мертвая тишина взорвалась. Сфера аномалии лопнула. Накопленная энергия Тенепада ударила вниз гигантским магическим импульсом. Многометровая ледяная толща реки с оглушительным, похожим на гром раскатом, раскололась на тысячи гигантских глыб.

Всплеск черной, обжигающе-холодной воды поднялся до самых верхушек прибрежных елей. И Эван, потеряв сознание, вместе с обломками льда ушел на самое дно ледяной бездны.

Часть 3

Всё началось с того дня, когда парень вышел от лорда Хардрика. Йору, старый охотник и плотник, проживший во Фригусе шестьдесят зим, сразу почуял недоброе. Слишком тёмной была тень на лице Эвана, слишком нечеловечески прямой была его спина. Йору пошел за ним бесшумной тенью. Сначала просто из отцовской тревоги, боясь, что парень совершит глупость после столичного наезда.

Но то, что старик увидел в глубине тайги двумя днями ранее, навечно въелось в его память.

Йору помнил, как лежал в сугробе за корнем вековой ели, боясь даже дышать. Он видел, как из лесного тумана бесшумно выплыл Серебряный Волд. Чудовище из древних сказок, которым пугают младенцев, шло во главе дикой стаи. Конечно, он знал, что все звери и духи из Бестиария Целиума существуют, но не ожидал увидеть одного из них настолько близко к дому. Сильнее всего старика ужаснуло не это. Волд не разорвал парня. Зверь молча обнюхивал и рассматривал Эвана. А перед тем как уйти, ткнулся носом прямо в грудь парня, словно признал в нем своего. Уже тогда сердце Йору сжало предчувствие: с парнем что-то не так.

И вот теперь, этой ночью, старик сидел за обледелым валуном на прибрежном обрыве, задыхаясь от ревущего бурана, и своими глазами наблюдал конец света

Внизу, посреди замерзшей реки, висела непроглядная, пульсирующая аномалия. Сфера, в которую не проникал эта ужасная буря. Внутри кто-то стоял, но с такого расстояния было невозможно разобрать кто именно... Йору смотрел, как Эван, его тихий, умелый ученик, постоянно приглядывающий за детьми, - медленно, ползком, заливаясь собственной кровью, пробивался к этому кошмару.

«НЕТ, ЭВАН, НАЗАД! БЕГИ, ДУРЕНЬ!» - орал Йору в ураганный ветер, но буран пожирал его хрип, не пронося крик даже на пару метров вперед. Старик пытался подняться, но ноги в сугробах отказывали от страха или от мороза.

А затем произошел взрыв.

Сначала наступила мертвая тишина, от которой у Йору заложило уши, а в следующий миг вспыхнул слепящий, нечеловеческий свет. Титанический грохот сотряс обрыв. Многометровый лед реки с оглушительным треском раскололся, и в воздух взметнулись тучи черной воды и ледяного пара.

- ЭВАН! - заверещал Йору, забыв про крутящую суставы боль.

Разрывая кожу на своих ладонях об острый наст, старик скатился по обрыву вниз. Он бежал к черному разводью, спотыкаясь об огромные, дымящиеся глыбы льда, хватая обжигающий воздух ртом. В его голове билась лишь одна-единственная отчаянная мысль: *«Только бы вытащить... Только бы успеть... Забрать мальчишку домой, к печи... Пожалуйста...»*

Но на поверхности кипящей, ледяной воды никого не было. Эван ушел на самое дно.

Йору подбежал к самому краю разводья и замер, задыхаясь от штормового ветра. Внизу, в крошечной темной глубине черной реки, вспыхнул и запульсировал жуткий фиолетово-серебряный свет. Он пробивал толщу ледяной воды, точно разгорающийся костер.

Старик судорожно сжал челюсти. В его глазах вспыхнуло отчаяние, смешанное с тем, что он хоронил в себе десятилетиями.

Йору скинул с рук тяжелые рукавицы. Его сухие, скрюченные от возраста пальцы сложились в давно забытый древний жест. Старик встал в низкую, забытую стойку. Под его дряблой кожей на предплечьях вспыхнули синим пламенем полузабытые руны - метки канувшего в лету ордена Хранителей Речного Русла.

Старик сделал глубокий, свистящий вдох, зачерпнул ладонями туман над черной водой и заговорил. Громко, гулко, перебивая рев урагана, чеканя каждое слово древних строк:

«Из темных глубин, где застыло течение,

Подними то, что не должно принадлежать дну.

Отдай мне долг, замерзшая бездна -

Верни его душу на белую землю!»

С последним словом старик наотмашь ударил скрещенными ладонями по воздуху над кипящей водой.

Стихия откликнулась моментально. Синяя магия с гулом хлынула из его сухих ладоней прямо в тьму. Вода в разводье закипела, и с титаническим стоном раскололась. Из глубины реки, повинаясь стихотворной формуле древнего Стиля, взвился идеальный, спиральный столб воды, подхвативший тело Эвана и мягко вытолкнувший его на заснеженный край льда.

Йору тяжело рухнул на колени, из его рта вырвался сгусток темной крови. Тело старика уже не могло без расплаты переносить древние речевые заклинания, а Кодекс Аурелиса жестоко наказывал тех, кто пользовался магией без должного разрешения.

- Эван... Сынок, живой... - умолял старик, дрожащими руками хватая Эвана за отвороты куртки.

Эван судорожно, со свистом выдохнул, выплевывая ледяную воду. Его глаза распахнулись.

Парень был жив... Но это был уже не тот Эван, которого старик учил обращаться с ножом. От его тела больше не шел пар, морозный воздух словно боялся касаться его кожи. Под разорванными ремнями на запястьях пульсировала древняя, нечеловеческая сила.

Когда Эван повернул голову, в его зрачках на мгновение промелькнула та самая дикая, кровавая ярость Тенепада.

Йору отпрянул. Магия в его руках окончательно погасла, и он бессильно повалился на спину. Панический, древний ужас предков застрял колом у него в горле.

- Ты... ты коснулся его... - заикаясь, выдавил Йору. На его бледном лице щеки были мокрыми от слез, которые тут же превращались в лед. - Ты впустил Тенепада в свою кровь... Что же ты наделал, глупец...

- Дядя Йору... - Эван попытался подняться, протягивая к нему дрожащую руку. - Послушай... это я...

- НЕ ПОДХОДИ! - не своим голосом крикнул Йору, выставив перед собой дрожащую ладонь. Душа старика рвалась на части от жалости к парню, но разум диктовал единственное правило давно канувшего в небытие ордена: проклятый должен быть изгнан. Таков был закон, который нельзя было ослушаться - Не смей делать ни шага!

- Дядя Йору, пожалуйста... Умоляю...

- Ты коснулся его! Ты коснулся упавшей звезды! - со слезами и гневом выкрикнул старик, и его голос дрожал от глубокой, разъедающей боли. - Это проклятие, Эван! Осквернение Клятвы! Легенды не врут! Тот, кто впустил в себя Тенепада, навлекает смерть на весь свой род! На каждый дом, где ступит его нога! Если ты вернешься в Хордалин... духи сожгут наш город! Дети... Бьерн... они все сгорят из-за тебя!

Эван замер. Йору видел, как сжались плечи парня, как в его глазах проскользнула смертельная паника.

- Я уйду... - тихо сказал Эван, - Я не причиню вам вреда. Единственное, почему я пошел на это, чтобы защитить вас... Мой дом... Мне просто нужно забрать вещи из избы... Переодеться...

- НЕТ! - рявкнул Йору, и из его глаз снова брызнули слезы. Ему хотелось обнять этого парня, закрыть собой от ветра, но страх за Бьерна, за Астру, за весь Хордалин был сильнее. - Никаких вещей! Никакого города! Ты не переступишь порог! Ты больше не человек, Эван... Ты...

Разъедающая горло боль не дала ему договорить. Йору согнуло пополам, и старик бессильно зарыдал, захлебываясь собственными слезами, мокротой и ледяным воздухом. Он закрыл сморщенное, дрожащее лицо окровавленными, обмороженными ладонями, и из его груди вырвался жуткий, воющий навзрыд звук. - За что... - сипел старик сквозь рыдания, едва удержавшись на дрожащих коленях. - За что, Эван... Почему именно ты?..

Слезы моментально замерзли на его щеках, превращаясь в колкую ледяную корку. Старик судорожно продолжал утирать мокрый нос рукавом и всхлипывать. Его руки и ноги ходили ходуном, а в раскрасневшихся, опухших от слез глазах мольба перемешалась с отчаянием.

- Уходи... - выдавил Йору, глотая горькие слезы и не в силах больше смотреть парню в глаза. - Пожалуйста, Эван... ради детей... просто убирайся прочь!

Йору развернулся и, спотыкаясь, давясь слезами и не смея больше обернуться, пошел прочь по глубоким сугробам к стенам города. Каждый шаг давался ему с болью, словно он сам только что похоронил своего собственного сына.

А позади него, на расколоте льду, среди ревущего бурана, осталась одинокая тень. Без дома. Без имени. Без права на возвращение.

Глава 5 - Смерть

Утро после ночной бури пришло в Хордалин без солнца. Город утонул под много метровыми сугробами, превратив улицы в узкие, ледяные ущелья. Кругом стояла звенящая, мертвая тишина.

Маленький Бьерн проснулся первым. Выскочив из кровати, мальчик, даже не обув толком сапоги, побежал к деревянному настилу у мастерской. В его кармане лежала сосновая фигурка. За ночь, при свете догорающей свечи, он дорезал ей плечи и крутые клыки. Мальчик хотел сделать фигурку самого Эвана, гордо стоящего на туше огромного монстра — Серебряного Волда из старых сказок Йору. Теперь подарок был готов.

Маленький Бьерн толкнул тяжелую, обледевшую дверь и переступил порог избы. Внутри царил мертвый, вымораживающий кости холод. Печь остыла еще ночью, и воздух казался застывшим, словно в склепе.

Эван всегда жил удивительно аккуратно, вопреки суровому быту Фригуса. Поношенная одежда не валялась где попало, а висела на резных деревянных колышках; сапоги у входа были вычищены и аккуратно смазаны жиром, а на полированном столе не осталось ни единой крошки. На лавке возле входа аккуратно, словно приготовленный к долгой зиме запас, лежал его второй комплект поношенной одежды. Дальше ровным рядом расположились инструменты для резьбы по дереву, чистый холст, запасные кожаные ремни, аккуратно смотанная бечевка, дополнительные ножи для охоты и разделки туши. Самое главное — меч с вырезанной головой дракона на рукоятке, он лежал нетронутым уже какое-то время.

Единственное, что нарушало этот идеальный порядок - старая дыра в бревенчатом потолке, которую Эван так и не успел заделать до прихода бурана. Через нее в темную комнату медленно сочился снег. Белые хлопья медленно падали прямо на середину пустого деревянного стола, где лежал плотный, пожелтевший холст бумаги. Строчки, выведенные спешным, дрожащим почерком когда-то очень давно. Жаль, что Бьерн еще не умел читать, чтобы понять содержимое этого письма. Снег постепенно превращался в аккуратный сугроб, как песочные часы, точно отсчитывающие время жизни этого дома.

— Эван!.. — громко позвал Бьерн, но ему никто не отозвался. Мальчик выбежал на растоптанную утреннюю тропу:

- Эван, ты где? Смотри, я закончил!

Снег хрустел под посиневшими от холода ногами, когда мальчик бегал от избы к избе.

— Отец! — Бьерн подскочил к Торстейну и его работникам, тяжело вонзавшим лопаты в заледеневшие сугробы у складов. — Вы Эвана не видели? Я фигурку доделал! Смотрите, он тут Волда побеждает!

Плотники замерли. Один из них, не поднимая глаз, лишь сильнее сжал черенок лопаты, а второй глухо сглотнул и отвернулся в сторону леса, словно не слыша ребенка. Никто не проронил ни слова. Лишь тяжелый скрежет железа о лед возобновился с новой, нервной силой.

— Не видели, сынок. — тихо ответил отец, отворачиваясь от Бьерна.

— Да что с вами сегодня?! — выдохнул мальчик, сжимая сосну в кулаке, и побежал дальше, к центральным воротам.

Там, скрестив могучие руки на груди, неподвижно стоял лорд Хардрик. Снег медленно оседал на его меховом плаще, а в каменном взгляде, устремленном на заваленные ворота, читалась усталость тысячи зим.

— Лорд Хардрик Снорсен! — Бьерн дернул его за край тяжелого кафтана. — Где Эван? Он что, куда то в лес ушел? У него в избе снег на стол валит, а меч остался! Он же никогда меч не забывает!

Хардрик медленно опустил взгляд на мальчика. На секунду в глазах сурового северянина мелькнуло что-то похожее на дикую, беспомощную боль. Лорд тяжелой ладонью накрыл макушку Бьерна, отряхнул с нее снег и сквозь сжатые зубы, проговорил:

— Иди домой, Бьерн. Помоги матери у очага.

— Но фигурка...

— *Ступай домой*, — отрезанным, не терпящим возражений тоном повторил Хардрик и снова отвернулся к воротам, будто превратившись в статую.

Сердце мальчика забилося чаще, подступая к горлу липким страхом. Непонимание давило сильнее морозного воздуха. В поисках хоть какого-то ответа Бьерн бросился к краю площади, где на крыльце своей избы сидел старик Йору. Старец смотрел в одну точку посевшим, за одну ночь постаревшим на десятилетия.

— Дядя Йору! — Бьерн взбежал по обледенелым ступеням, задыхаясь от бега и мороза. — Скажи хоть ты! Куда Эван делся?! Он же обещал показать, как бросать резчик! Почему все молчат?!

При звуке этого голоса Йору вздрогнул, словно от удара плетью. Старик судорожно отвернулся, впившись скрюченными пальцами в обледенелые перила с такой силой, что затрещало дерево. Его челюсти сжались до хруста костей.

— Йору?... — голос Бьерна дрогнул.

Старик медленно опустил голову. По его глубоким морщинам, теряясь в седой бороде, тихо потекли слезы, мгновенно замерзая на морозе. Йору судорожно сглотнул, так и не решившись встретиться взглядом с мальчиком, и лишь слабо, дрожащей рукой указал в сторону дома Бьерна.

— Иди к матери, Бьерн... — выдохнул старик, и в его шепоте звучало столько горькой, нечеловеческой боли, что у мальчика перехватило дыхание. — Ступай к маме.

Бьерн, поджимая посиневшие губы, отступил от крыльца и бегом пустился к своему дому. В сенях пахло сушеными травами и дымом. Марта, стояла в центре комнаты, перебирая замерзшую крупу. Её руки дрожали, а глаза были красными, словно она не смыкала глаз всю ночь.

— Мама! — Бьерн влетел в избу, подбегая к ней и вытаскивая сосновую фигурку. — Все молчат! Отец отворачивается, Йору плачет! Где Эван?! У него в избе вообще никого нет, а все вещи остались!

Марта медленно опустилась перед сыном на колени. Её теплые, пахнущие хлебом и дымом ладони обняли посиневшие щеки мальчика. В её взгляде чувствовать тихая скорбь.

— Бьерн, послушай меня, — твердо произнесла мать, глядя ему прямо в глаза. — Не жди больше Эвана. Он... у него своя дорога. За пределами Фригуса, за снегом. Он сделал то, что должен был, и больше не вернется в Хордалин. Забудь о нем, сынок. Не ищи его.

— Но он же обещал! — вырвалось у Бьерна, и на его глазах наконец выступили слезы обиды. — Я же не подарил ему фигурку! Я так старался...

— Жизнь не спрашивает про обещания, — Марта крепче прижала голову сына к своей груди. — Иногда люди уходят, чтобы спасти и защи...

Договорить она не успела.

За окнами избы, разрывая морозную тишину Хордалина, раздался тяжелый, кованный гул рога. От этого звука задрожала посуда на полках и стекла в оконных рамах.

Марта вздрогнула и мгновенно изменилась в лице, вся краска сбежала с её щёк. Она рывком поднялась на ноги, заслоня собой окно.

— Сиди здесь, — резко, не терпящим возражений тоном приказала она, указав на тяжелый занавес у очага. — Залезь на печь и не выходи, пока отец не вернется. Ты меня понял, Бьерн? Не выходи!

Не дожидаясь ответа, Марта накинула на плечи полушубок и выскочила на морозный порог, торопливо направляясь к Торстейну, который уже стоял на площади.

Бьерн остался один в затихающей избе. Но усидеть за очагом, когда во всем городе поднялся шум, было очень трудно...

С юга, проезжая поваленные от ночной бури ворота, в город въехал отряд Цитадели.

Впереди на черном жеребце, восседал *он*. Тот самый чиновник Совета Аурелиса. Тощий, вытянутый, в высоком бархатном кафтане с мехами на плечах, под которым висели тяжелые серебряные цепи Кодекса. Его узкое, крысиное лицо с тонкими, вечно поджатыми губами выражало брезгливость к каждому бревенчатому дому Хордалина. За его спиной молчаливой, зловещей стеной двигались Палачи. Целая орда из тридцати человек, в черных, латных доспехах, с оголенными предплечьями, на которых алым, болезненным светом горели столичные звездные метки.

Хордалин мгновенно замер. На площадь начали выходить жители, но перед черными копьями Палачей люди отступали в страхе, вжимаясь в стены изб и прижимая к себе испуганных детей.

Хардрик Снорсен вышел вперед, его — рука сама собой легла на рукоять меча.

— Лорд Снорсен, мой друг! Снова здравствуй! — чиновник даже не сошел с коня. Его въедливый, сухой голос резал уши. Узкая рука в белоснежной перчатке медленно развернула пергамент с багровой печатью Цитадели. — Приказом Совета Пяти отчёт по Фригусу за этот квартал признан недействительным. Зафиксированы систематическое несоблюдение северного налога и, что более важно, вопиющие нарушения! В частности, браконьерство!

Он мельком посмотрел на сжавшего кулаки Хардрика, и его тонкие губы искривились в ещё более ехидной, голодной улыбке человека, держащего в руках чьи-то жизни.

— Заготовка дичи в обход Кодекса, утаивание шкур и, разумеется, укрывательство проклятого дома Кальда, — продолжал чиновник, брезгливо поправляя перчатку и наслаждаясь тем, как ужас сковывает площадь. — Вы думали, Аурелис не видит ваших мелких грешков в этой глуши, маленькие крысы? Исчезновение Эвана, сына бедных Кальда и Эйлин.. Как жалко... Мы намеревались его допросить, но что-то я не наблюдаю мальчика. Это окончательно доказывает гниль вашего города. Поскольку Эван где-то скрывается, мы сейчас медленно, но очень подробно попытаемся узнать, где именно он спрятался.

Среди толпы пронесся тяжелый, испуганный шепот.

— Оставь их, гнида! — прорычал Хардрик, — Они простые плотники! Проваливай!

Чиновник лишь мельком повернул голову и брезгливо поправил белую перчатку. Наклонившись с седла к самому уху лорда, он произнес следующие слова тихим, ядовитым шепотом. Так, чтобы их слышал один только Хардрик:

— Опусти меч, лорд Снорсен, не будь глупцом... Или ты забыл Трактат о Клятве? Одно твоё движение, и мои Палачи выжгут весь Хордалин до последнего младенца. Хочешь похоронить свой город до наступления ночи?

Чиновник сделав паузу, прищурился, и в его глазах вспыхнуло чистое, садистское наслаждение. Он физически ощущал, как зажимает горло северянина в тиски, как ломает его гордость. Он уже победил, и эта победа пьянила его сильнее любого столичного вина.

— Знаешь, что будет после? — продолжал он смаковать каждое слово, едва не касаясь губами уха Хардрика. — Мы пойдем дальше. В каждый поселок Фригуса. Мы будем жечь избы за избы, пока земля не обуглится, а из-под снега не начнет вонять сожженным мясом. И знаешь, кого мы оставим единственным живым? Тебя. Ну же, лорд... вонзи меч. Сделай первый шаг. Не бойся. — расплывшись в глумливой улыбке умолял чиновник.

Хардрик замер. В его глазах вспыхнула дикая, беспомощная ярость воина, у которого отняли право на бой. Челюсти лорда сжались так, что изо рта выступила сухая кровь. Он мед-

ленно, с тяжелым хрустом разжал посиневшие пальцы на рукояти меча и отступил на шаг, опуская голову под давящим, торжествующим взглядом чиновника.

По приказу столичного гостя Палачи приволокли из избы лорда Хардрика массивное резное кресло и поставили его прямо посреди заснеженной площади. Чиновник вальяжно опустился на бархатные подушки, не обращая внимания на ледяной ветер, витавший над Хордалином. Слуга с поклоном подал ему серебряный кубок, а в сухой морозный воздух поднялся пар от горячего, пряного вина.

Чиновник сделал медленный глоток, откинулся на спинку и с ядовитой, сладкой улыбкой окинул взглядом сжавшуюся толпу.

— Так... Где же мое дорогое семейство браконьеров? Уважаемый Торстейн Грим! Вы где? А-а-а, вот же вы! — с наигранным удивлением протянул чиновник, указывая пальцем в белоснежной перчатке на торговца и его жену, которых Палачи швырнули на колени в снег.

Чиновник прищурился, наслаждаясь тишиной площади, и качнул кубок.

— Начнем с малого, Торстейн. Куда вы вывезли незарегистрированную пушнину из Фригуса? Сколько соболиных шкур ушло в обход казны Аурелиса?

Торстейн поджал губы и тяжело выдохнул:

— Я... Я ничего не вывозил, господин! Я все объяснил в прошлый раз, я все..

Чиновник даже не выслушал его до конца. Он слегка качнул головой, сделал ещё один маленький глоток вина и произнес сухо, почти ласково:

— Неправильно.

Палач в черных латах шагнул вперед. Тяжелая кожаная плеть со свистом рассекла морозный воздух, вонзаясь в спину Торстейна. Охотник согнулся пополам, выбивая грудью снежный наст, но не закричал — лишь глухо застонал через сжатые зубы.

— Торстейн! — раздался отчаянный, сорванный крик Марты. Стоя на коленях рядом с мужем, она в ужасе забилась, пыталась вырваться из хватки второго Палача и протянуть к Торстейну дрожащие руки. — Оставьте его! Пощадите! Он же всё сдал, до последней шкуры!

Чиновник лишь едва заметно поморщился от её крика, будто от назойливого шума, и не спеша отпил из серебряного кубка.

— Теперь вопрос вам, моя ненаглядная: В каком именно месте на границе Фригуса ваш передавал контрабанду скупщикам? — продолжал он сухо, рассматривая пряный пар над вином.

— Я... Он ничего не вывозил... — хрипела Марта, пытаясь подняться с снега. — Все шкуры были с клеймом вашей же Цитадели! Я видела это своими глазами!

Чиновник с фальшивым, утрированным огорчением прижал руку к груди, слегка наклонив голову, а затем отпил из кубка и с ядовитой, ехидной улыбкой развернулся обратно к толпе:

— Ах, какая жалость! Опять неправильно.

Он со скучающим видом перевел взгляд на заснеженные крыши, не спеша причмокивая горячим вином.

Плеть снова рассекла воздух со свистящим треском. Тяжелый кожаный хвост содрал ткань полушубка и вонзился прямо в плечи Марты. Женщина забилась на заледеневшем насте, и её дикий, раздирающий душу крик разорвал оцепенение площади. Чиновник же лишь поморщился от громкого звука и жестом приказал слуге подлить ещё немного из кувшина.

Хардрик не выдержал. Меч с сухим, хищным скрежетом на половину ладони вышел из ножен. По всей площади пронесся гул — плотники и охотники вскинули головы, старик Йору судорожно вцепился в перила. Воин готов был шагнуть вперед и снести голову столичной мразью прямо в его резном кресле.

Но чиновник даже не вздрогнул. Он лишь медленно, смакуя пар от вина, сделал ещё один глоток и тихо щелкнул пальцами.

Из первого ряда толпы выскочили два Палача. Их гигантские, закованные в черную броню фигуры с легкостью выдернули из рук обезумевший от страха матери двух детей — Астру и маленького Томаса. По площади прокатился крик. В следующее мгновение два тяжелых, искрящихся синими рунами от звездных меток меча с колючим звоном легли прямо на тонкие, детские шеи.

— Хардрик!.. — закричала мать детей, но Палач лишь сильнее прижал холодное лезвие к коже девочки, и на снег упала первая алая капля.

Хардрик замер. Его рука на рукояти меча задрожала от дикого, нечеловеческого напряжения. Меч вышел еще на пару дюймов, но застыл.

А чиновник... чиновник тихо, откровенно расхохотался. Этот сухой, ехидный смешок, смешанный с ароматомпряного вина, звучал как насмешка над всем Фригусом. Чиновник буквально заходился от удовольствия, наблюдая, как вождь северян превращается в беспомощное создание.

— Опустито, — выдавил из себя чиновник сквозь смех, вытирая платочком выступившие от веселья слезы. — Смотри, как дергается твоя жила на шее. Ты ведь понимаешь, что одно твое глупое движение — и головки этих милых малышей покатаются по снегу быстрее, чем ты сделаешь шаг?

Чиновник поднялся с кресла, передал кубок слуге и, едва удерживая ехидную ухмылку, сделал пару вальяжных шагов к Хардрику, чтобы наклониться к его уху и продолжить допрос с уже знакомым ядовитым шепотом...

— Где же сын Кальда? — громко произнес чиновник, отступая обратно к креслу и вытирая губы.

— Ну что же, мои дорогие, последний вопрос! Где Калинор Эван?

— Мы не знаем... — хрипел Торстейн, сплевывая кровь из разбитых губ. — Он ушел ночью... Мы правда ничего не знаем...

— Эх, снова неправильно! — с фальшивой досадой протянул чиновник, откидывая голову на спинку кресла.

Он протянул пустой кубок виночерпцу:

— Подлей-ка ещё. От этих вопросов в горле пересохло.

Трясаясь от страха, заглянул в пузатый кувшин, накренил его и глухо прошептал:

— Господин... Вино закончилось.

Чиновник на секунду замер. Его ехидная улыбка мгновенно сменилась выражением ледяного, безразличного раздражения. Он со вздохом швырнул серебряный кубок прямо в снег у ног Торстейна.

— Закончилось вино? — тихо, с глубокой досадой проговорил он. Затем наклонился к избитой паре и одарил их самым ядовитым взглядом. — Ладно, я с самого начала ожидал, что вы, многоуважаемый браконьер Торстейн Грим и ваша шлюха-жена, не сможете дать мне хоть что-то полезное. Грязные свиньи... Вы только перевели моё драгоценное время и столичный напиток.

Он поднялся с кресла, поправляя белоснежные перчатки, и махнул рукой Палачам:

— Снимите с этой дряни все шмотки. Раздеть ее догола и повесить на воротах Хордалина. Точнее, что от них осталось. Пусть висит на морозе, пока не превратится в кусочек льда — в назидание каждому, кто вздумает нарушать законы Кодекса. А муж пусть смотрит, прежде чем сдохнуть самому.

Палачи шагнули вперед. Женщина вскрикнула, когда грубые перчатки в железе сорвали с нее одежду.

И именно в этот момент, не выдержав шума и наплевав на приказ матери, из дверей дома выбежал Бьерн.

В его руке все еще была зажата сосновая фигурка. Его глаза расширились от нечеловеческого ужаса, когда он увидел полуобнаженную мать на окровавленном снегу, стоящего на коленях отца и Палачей, петлей захлестывающих веревку.

— МАМА! ПАПА! — сорванным детским голосом закричал Бьерн и бросился вперед.

Чиновник мельком повернул голову на тонкий детский крик. На его лице расплылась мерзкая, глумливая ухмылка, и он тихо, с садистским удовольствием прыснул:

— Оу... Прямо на глазах у собственного щенка? Какая жалость...

Хардрик Снорсен, стоявший ближе всех, рывком перехватил мальчика. Лорд до боли прижал Бьерна к своей груди, удерживая вырывающегося, бьющегося в отчаянной истерике ребенка.

Бьерн, задыхаясь от слез и страха, вслепую вырывался из хватки лорда, и в какой-то момент ему удалось на секунду выкрутить голову из-под тяжелой ладони Хардрика.

Взгляд мальчика вонзился в ворота Хордалина. Палачи захлестнули грубую веревку на шее Марты. Через миг полуобнаженное тело матери вздернули над сугробами. Она забилась в петле, хрипя и судорожно хватая ледяной воздух, пока чиновник со скучающим видом поправлял перчатку.

— Мама... Что... С мамой... — выдохнул Бьерн, и этот тонкий, детский шепот буквально потонул в шуме крови, стучащей в его висках.

Его пальцы вцепились в бронированный рукав Хардрика, пытаясь оттолкнуть огромного воина, вырваться, добежать, но лорд сжимал его так, будто сам превратился в железо. Рука Хардрика на груди мальчика ходила ходуном от крупной, нечеловеческой дрожи.

Палачи уже подошли к Торстейну.

Один из них грубым, окованным сталью сапогом пнул торговца в грудь, заставляя согнуться и уткнуться лицом в подтаевший от крови снег. Второй перехватил тяжелый, искрящийся алой руной топор двумя руками.

Оружие казни с сухим, звенящим гулом поднялось над головой охотника.

— Не смотри, Бьерн, не смотри!.. — прорычал Хардрик Снорсен, пытаясь вновь накрыть лицо ребенка своей огромной ладонью, но было поздно.

— Прости их, Бьерн. Эти глупцы не понимают, что твор... — Торстейн не успел договорить. Со свистом рассекая морозный воздух, широкое лезвие обрушилось вниз. Раздался сухой, страшный хруст рассекаемого мяса и костей.

Голова Торстейна отлетела в сторону, с тяжелым глухим стуком упав на снег и окрашивая белоснежный наст густой, дымящейся кровью. Остекленевшие глаза торговца застыли, устремившись прямо на сына.

В этот самый момент, когда взгляд Бьерна встретился с мертвым взглядом отца, детский кулак сжался с нечеловеческой, дикой силой.

— Папа...

Хрупкая сосновая фигурка в его пальцах хрустнула.

Деревянная голова вырезанного Эвана — старшего брата Бьерна, отвалилась от туловища и с тихим стуком выпала из ладони мальчика, исчезая в дымящемся, красном снегу.

«Он бросил нас».

Эта мысль прожгла детский мозг: «Эван забрал свою жизнь, сбежал, бросив меч и вещи в пустой избе, а маму и папу... маму и папу убили из-за него. Из-за его побега».

Бьерн опустил взгляд на краснеющий под ногами снег, где в дымящейся крови отца лежала деревянная голова вырезанного Эвана.

В детской душе с тихим треском рухнула последняя вера. На её месте зародилась чистая, глубокая и всепоглощающая ненависть к человеку, которого он еще вчера считал своим братом.

— За пособничество в укрывательстве, браконьерство и нарушение Кодекса приговор исполнен, — чиновник развернулся к коню, даже не глядя на падающее безжизненное тело Марты и обезглавленного Торстейна. Он подавил издевательскую смешинку в кулак и взобрался в седло. — Каждый, кто вздумает шутить с Кодексом — разделит участь этих двоих. Отчёт по Фригусу закрыт.

Глава 6 - Совет

Часть 1

— Чертов Фригус со своей бесконечной зимой, — уныло проворчал Аро и глубже спрятал подбородок в мягкий воротник бархатного кафтана.

Поездка выходила паршивой, но в карете хотя бы оставалось тепло. Плотные шторы не пропускали сквозняк, а изящные меха и дорогая обивка не поддавались морозу. За дубовыми дверцами с гербом Дома Валентис выл ледяной ветер, но внутри он совсем не ощущался.

Напротив, вжавшись в угол, сидел Персиваль. Имя, которое любимая сестра Аро с гордостью дала своему единственному сыну, совершенно не подходило ему. Мать была уверена, что растит великого мужа и будущего главу семьи, но на деле Персиваль был обычным смазливим трусом.

— Дядя... — Красавчик неуверенно сглотнул, крепче сжимая в руках пузатый кувшин с новым вином. — А если эти северные дикари что-то узнают? Вдруг они поднимут бунт? Их же целое королевство, а за ними и другие...

Аро поморщился и досадно вздохнул.

— Персиваль, налей вина и перестань суетиться.

Племянник тут же подчинился, осторожно наполняя кубок.

— Запомни, — Аро сделал глоток и прищурился. — Во-первых, эти северяне слишком глупы, чтобы организовать хоть что-то сложнее попойки. А во-вторых... если они всё-таки возьмутся за топоры, это нам только на руку.

Персиваль хлопал глазами, не понимая о чем идет речь.

— Дом Соляриус уже год поет Совету, что во Фригусе все спокойно. Если северяне поднимут бунт, виноваты будут Дюраны и его ищейки — они не удержали королевство. Совет урежет влияние что первых, что вторых, и передаст земли нам. Пусть они там хоть все вымрут — от холода или от стали. Главное, чтобы победа осталась за Валентисами.

Персиваль на секунду задумался, а потом закивал с самым важным видом.

— Да... Пусть вымирают. Одной семьей меньше — меньше хлопот. Кстати, дядя... Я тут слышал от купцов на постоялом дворе... В Миррадене тоже что-то стряслось. На побережье в тумане подчистую вымерло целое поселение. Говорят, то ли морские твари из пучины вышли, то ли ещё что...

Аро лишь фыркнул, пригубив вино.

— Морские твари? Сказки для пьяных оборванцев. Если в Миррадене кто-то кого-то и вырезал, то лишь потому, что отродье не поделило кусок тухлой рыбы. Пусть собачатся.

Аро сделал еще один небольшой глоток и прищурился, глядя в замерзшее окно:

— Ты знал, Персиваль, что в Миррадене этот сброд верит в *Морскую Гниль*? Ну, или в каких-то там *Шепчущих с Дна*. Еще один бред, что и во Фригусе с их великими Волдами. Местные дикари искренне думают, будто из тумана выходят древние духи и забирают их продажные души прямо в воду.

Он тихо фыркнул и качнул головой с легким презрением.

— Глупые свиньи. Скажи им, что их сосед умер от мора — не поверят. А скажи, что его утонула на дно подводная нечисть — упадут на колени и станут океану молиться. Они ищут мистику там, где есть только голод и грязь. Молиться надо не морским чудовищам. Власть, мой необразованный племянник — единственное, чего в этом мире нужно по-настоящему бояться. Потому что именно она решает, проснешься ты завтра в своей постели или с перерезанной глоткой в собственном дерьме.

Персиваль неуютно поежился под этим холодным тоном и на всякий случай кивнул, соглашаясь с дядей:

— Да... Нищие, что с них взять.

— Нищие! Очень верно подмечено! — Рассмеявшись, Аро откинулся на подушки и с удовольствием качнул кубок. — Именно нищие, Персиваль. Нищие умом, нищие духом, нищие карманом. В Аурелисе мы строим водопроводы, развиваем библиотеки и держим под контролем цены на еду. А эти дикари на окраинах живут в грязи и думают, что их проблемы решает старый хрен, превращающийся в огромного волка, или морской змей под водой.

Аро сделал глоток и указал пальцем в сторону заснеженного окна:

— Знаешь, в чем главная ошибка Астринов и прочих идеалистов из Совета? Они думают, что прочие королевства надо развивать. Строить школы, учить их грамоте... Бред! Скот не надо учить, Персиваль. Скот надо пасти. Если у дикаря из Фригуса появляется лишний медяк, он тратит его на попойку. Если у рыбака из Миррадена появляется новая сеть — сразу властелин морей.

Аро ухмыльнулся, посмотрев на все еще бледного племянника:

— Нищета — это их естественное состояние. Она держит их в узде любых цепей. Пока северянин думает, чем прокормить своих заморышей, а мирраденец дрожит перед туманом, они не думают о том, почему Аурелис забирает девять десятых их урожая и добычи. А когда они забывают свое место... что ж.

Он лениво повел ладонью в воздухе, словно стирая весь Мирраден и Фригус с карты.

— Для этого с нами и едет тридцать палачей. Они быстро напомнят свиньям, кто здесь хозяин, а кто — просто мясо.

Часть 2

Море на стыке Фригуса и Миррадена в это время года превращалось в мясорубку. Судно перепрыгивало с одной волны на другую, деревянный корпус трещал по швам, а ледяная вода заливала палубу до самых щиколоток. Ветер выл так, что закладывало уши, швыряя в лицо огромные плевки здешней стихии.

На палубе стоял сплошной глухой рев. Два десятка прожженных пьяниц орали команды. Трое матросов, срывая ногти о задубевшие канаты, навалились на гик, пытаясь спасти рвущийся парус. Еще двое уносили с бочки с вином в кабину капитана. В самом центре палубы моряки судорожно прибавали доски к мачте. Команда боролась со стихией слаженно. Каждый из них отчаянно хотел жить и дотащить груз до берега.

— Полоумные морские крысы! Какого хрена вы делаете с парусом! Опускайте его! Живее, огрызки! — надрывался капитан у штурвала, перекрикивая треск ломающегося дерева. Руки в кожаных перчатках намертво вцепились в спицы, пока очередная волна с размаху не ударила в правый борт, сбив с ног сразу двоих матросов.

— Сука! — Один из них кубарем покатился по скользким доскам прямо к фальшборту, истошно ругаясь и пытаясь ухватиться хоть за что-нибудь.

— Держи его! — рявкнул здоровяк с перебитым носом, на лету перехватывая мокрый, бьющий во все стороны канат. — Худой, руби правый шкот, его заклинило!

Тот выхватил из-за пояса широкий тесак и в два удара перерубил толстую просмоленную веревку. Ошметок со свистом хлестнул по воздуху, едва не сняв скальп с пробежавшего мимо юнга, и обвисший парус с диким хлопком осел, перестав кренить судно набок.

— Чертовы обрубки! Вы все подохнуть хотите? Быстро хватайте канат! — Продолжал орать мужчина, отчаянно пытаясь спасти судно.

— Бочки! Привязывайте вторую партию, мать вашу! — донеслось со стороны трюма. Из люка валил пар, перемешанный с матерной бранью.

— Быстрее вычерпывайте, уроды! — орал из глубины корабля сиплый голос, пока ведра со звоном и плеском летали из рук в руки, выливая мутную жижу прямо за борт.

Очередная волна с грохотом обрушилась на нос посудыны. Корабль затрещал каждой доской, а по палубе поплыли деревянные ящик со снастями.

Щуплый оборванец с редкой бороденкой бросился следом, пытаясь перехватить уходящий за борт ящик с дорогими крюками. Ноги моментально разъехались по мокрым скользким доскам, он со всего маху приложился задницей о палубу и кубарем покатился к фальшборту, сбив попутно чье-то ведро.

— Ловите их, придурки! Капитан шкуру снимет! — истошно верещал он, барахтаясь в ледяной жиже и безуспешно скребя мокрыми пальцами по дереву.

Ящик с грохотом ударился о борт и покинул судно.

— Дерьмо морское!

— Пасть завали и поднимайся, дурень! — рявкнул кто-то сверху, ухватив щуплого за шиворот и рывком впечатав в стенку надстройки. — Сдохнешь из-за сраного ящика!

— Держи нос по ветру, старый ты хрыч! — взревел боцман в сторону капитанского мостика, перепрыгивая через катающиеся бревна. — Еще один такой удар, и нас разломит к херам морским!

Капитан даже не повернул головы, вцепившись побелевшими пальцами в штурвал.

— Заткнулись там! — рявкнул он в ответ, выплевывая ледяную воду. — Йорген! Где эти гребаные клинья?! Забивай люк, живо!

Двое матросов с тяжелыми деревянными молотами бросились к главному трюмному люку. Один держал толстые бруски, рискуя остаться без пальцев, а второй со всего размаха вколачивал дубовые клинья, чтобы сорванную крышку не выбило следующей волной. Доски скользили, вода сбивала с ног, ветер рвал куртки в клочья, но каждый на этой посудине цеплялся за свою никчемную жизнь зубами.

Посреди суеты на самом носу посудины стоял парень, опершись ладонями о мокрый фальшборт. Ветер безжалостно трепал его смоляные, слегка вьющиеся волосы. В холодных серых глазах отражалась черная пучина, а на бледной от мороза коже, прямо возле подбородка, отчетливо виднелось родимое пятно в форме кривой пятиконечной звезды.

Он жадно втягивал ледяной, просоленный воздух, расплываясь в искренней улыбке. Пока остальные цеплялись за свою жизнь, у Омоя внутри наконец-то что-то оживало. Вся бессмысленность дней, проведенных в кабаках и на грязных набережных, растворялась в этом реве. Только когда доски трещали, грозя разлететься в щепки, а ледяная вода с размаху била в грудь, он чувствовал себя по-настоящему живым.

Смерть ходила в полушаге от него, и именно эта близость заставляла его сердце биться быстрее.

Очередной удар волны вырвал из крепежа брус, на котором держался носовой парус. Тяжелое бревно с грохотом рухнуло на доски, перегородив проход и со свистом волоча за собой лопнувшую оснастку.

— Отрезайте! Отрезайте его нахрен! — сорванным голосом взвыл капитан, но никто из матросов не рискнул сунуться на скользкий, уходящий под воду нос.

Омой даже не стал ждать команды. Он в два шага перемахнул через пенящиеся потоки воды и выхватил из сапога длинный кривой нож. Доски под ногами уходили вниз, ледяная пучина была готова сомкнуться над головой в любую секунду. Он навалился всем весом на натянутый канат и перерезал толстую веревку.

Остаток снасти с диким свистом улетел в шторм, освобождая судно. Омой вытер рукавом мокрое от брызг лицо, все с той же радостной ухмылкой на губах.

— Обрубок! Убегай оттуда! — истошно заорал боцман, указывая пальцем куда-то за его спину.

Парень неторопливо обернулся. Над ним поднималась черная стена воды, закрывая собой небо. Вся палуба на мгновение замерла в оцепенении, а затем взорвалась предсмертной паникой.

— Держись! Держись за все, сука! — завизжал кто-то у мачты.

Моряки бросали топоры и ведра, в панике кидаясь к любым неподвижным опорам. Двое вцепились в обмотку мачты мертвой хваткой, сдирая кожу с предплечий. Другие судорожно убегали ниже в трюм, захлебываясь собственным криком. Капитан всем весом навалился на штурвал, выворачивая корабль прямо навстречу надвигающейся горе воды в слепой надежде разрезать волну, а не подставить ей борт.

Омой просто стоял на самом краю, задрал мокрую голову. Волна нависла над ним тенью, забирая последние крохи света, и в его глазах не мелькнуло даже тени страха. Быстрым, заученным движением он обмотал оборванный трос вокруг пояса, намертво привязав себя к носу посудыны.

Тишина.

Истошные вопли матросов, треск мачт и вой ледяного шквала смазались, растворившись в плотном вакууме. Время предательски замедлило ход. Огромная стена черной воды, нависшая над головой, застыла на долю секунды, словно здание. Капли в воздухе зависли крошечными хрустальными бусинами.

И в этом мертвом, звенящем безмолвии проснулось его тело.

Удар. И еще.

Сердце заколотилось в ребра с бешеной частотой. По венам хлынул раскаленный огонь, выжигая остатки тоски. В висках застучала кровь оглушительно громко, перекрывая саму бурю.

Омой втянул стылый воздух и широко улыбнулся замершей бездне напротив, предвкушая эту встречу. Он был жив.

В следующее мгновение время продолжило идти, и тонны сокрушительной ледяной воды с грохотом обрушились на палубу.

Часть 3

В Зале Звездного Круга стояла вязкая, тяжелая духота. Высокие стрельчатые окна Аурелиса были занавешены плотным шелком, сквозь который с трудом пробивался дневной свет, а воздух пропах дорогим ладаном, пчелиным воском и застарелой бумажной пылью.

Высоко над головами правителей сводчатый потолок дополняла искусная ручная роспись. На темной лазури купола сияло золотое солнце — герб Аурелиса, величественно восходящий над черными, как смоль, водами реки Каир.

В самом центре круглого стола из полированного обсидиана лежала массивная карта континента. На ней стояли тяжелые металлические фигуры с гербами подвластных земель. На севере над заснеженными пиками застыл **серебряный олень Фригуса**. На западе среди волн стоял **корабль Миррадена**, бьющийся в шторме. На жарком юге расправил огненные **крылья феникса Соланта**, а на востоке над золотыми равнинами глядела **сова Эврона**.

Все эти земли кормили столицу. И прямо сейчас этот механизм давал сбой.

Марцел Валентис лениво откинулся на спинку резного кресла. Не отрывая взгляда от пергаментов, разложенных прямо поверх карты, он сделал сухой щелчок пальцами в сторону серебряного графина. Слуга в серой маске без прорези для рта тут же бесшумно скользнул из тени, наполнил кубок алым вином и сразу растворился обратно. Марцел даже не взглянул в его сторону.

Напротив него, с идеально прямой спиной, сидел Кайдэн Соляриус. На полированном дереве перед генералом стоял лишь граненый графин с чистой водой. Рядом аккуратно лежали бархатные перчатки, мягко переливающиеся синим. Никаких бумаг

Его челюсти были сжаты. Взгляд генерала уже несколько минут сверлил пальцы соседа справа.

Луциан Астрин, опершись локтем о подлокотник, медленно и монотонно перекатывал между белыми пальцами гладкий осколок метеорита. Серебристая пыль с камня въелась ему в поры, а минерал при каждом обороте издавал тихий, навязчивый, шуршащий звук.

Шурх. Шурх. Шурх.

— Оставь свои фокусы с булыжником для ярмарок, Луциан. — не выдержал Кайден. Его низкий, командный голос хлестнул по тишине зала, словно удар клинка о щит.

Астролог даже не вздрогнул. Он медленно поднял затуманенный взгляд на генерала, продолжая крутить камень с тем же раздражающим ритмом:

— Звезды не знают другого места, Кайден. Они говорят со мной всегда. И прямо сейчас они сообщают, что твой порядок трещит по швам.

— Прекратите, — раздался тихий, почти незаметный голос Силины Каэлис.

Глава Дома Морали аккуратно, кончиками ухоженных пальцев прикоснулась к гигантскому, закованному в цепь фолианту Кодекса Судеб. Громоздкая книга занимала добрую треть её территории стола.

Силина выглядела обманчиво хрупкой: безупречно белое, строгое одеяние жрицы с высоким воротом подчеркивало бледность фарфоровой кожи, а темные волосы были убраны в сложную, тугую косу с серебряными шпильками. В её неподвижных глазах не читалось ни единой человеческой эмоции. Лишь фанатичная, застывшая преданность букве закона.

Девушка педантично, с точностью до миллиметра, выровняла массивный переплет строго по центральной линии, смахнула невидимую пылинку с золоченого среза страниц и лишь затем подняла свой взгляд на Совет:

— Мы собрались здесь не для того, чтобы нервничать, друзья. В бумагах Валентиса — дыра размером с королевство.

Эрис Вейл, до этого момента молча срезавший потекший воск с высокой свечи, едва заметно усмехнулся и бросил лезвие на стол.

— Ну надо же, — прошелестел парень, скосив холодные глаза на Марцела. — Значит, слухи не врут? Фригус отказался платить?

Глава дома Валентис не спеша сделал глоток вина, смакуя терпкий вкус, и лишь затем со стуком опустил кубок на полированное дерево.

— Фригус не «отказался», Эрис, — с ленивым высокомерием отозвался старик, небрежно перелистывая страницу отчета. — Варвары на севере просто возомнили, что зимние бураны спишут им долги перед столицей. Они задержали поставки с рудой и пушниной на две недели. Задолженность неприятная, но вполне исправимая.

— Исправимая? — Кайден Соляриус подался вперед, оперевшись кулаками на стол, отчего синий бархат перчаток слегка смялся. — Твои сборщики сидят в тепле и ждут милостыни от наместников, пока в гарнизонах на перевалах солдатам нечем платить жалованье. Если север почует слабость казны, завтра они перекроют перевалы не снегом, а копьями.

— Успокой свой полководческий пыл, Кайден, — Марцел мягко усмехнулся одними уголками губ. — Мой сын Аро уже в пути. Вопрос решен. К концу месяца Хардрик либо выплатит всё до последнего медяка, либо во Фригусе появится новый лорд. Его брат отлично подойдет на эту роль. Валентисы умеют выбивать долги без твоих легионов.

Луциан Астрин тихо усмехнулся, и его метеорит снова зашурушал в пальцах.

Шурх. Шурх.

— Вы делите шкуру оленя, пока небо над Фригусом затягивает мгла, — пробормотал астролог, глядя в потолок, где сияло золотое солнце над черным Каиром. — Звезды на севере гаснут одна за другой. Там зреет не просто бунт из-за медяков.

— Довольно туманных предзнаменований, Луциан, — холодно оборвала его Силина Каэлис. Её тонкие пальцы даже не шелохнулись на переплете Кодекса. — Если северяне не чтят порядок, они нарушают волю Звезд. А нарушители заплатят кровью. Закон не делает скидок на мороз.

— Закон не кормит армию, Силина, — лениво вставил Эрис.

Глава Дома Вейл был самым молодым за этим столом и явно не собирался извиняться за свой возраст. Смазливый, с тонкими породистыми чертами лица, идеально уложенными золотистыми прядям и легкой улыбкой на губах, он выглядел так, будто только что сбежал с закрытого столичного бала, а не заседал в Совете Пяти. В его расстегнутой на верхние пуговицы шелковой рубашке сквозило наглым пренебрежением к священным церемониям Аурелиса.

Он медленно провел кончиком пальца по полированному лезвию стилета, с насмешкой принялся разглядывать карту в центре стола:

— К слову о долгах. Из Миррадена тоже приходят занятные вести. Вдоль побережья снова пропадают рыбацкие лодки. Контрабандисты тащат через пролив запрещенный товар целыми трюмами, а наместница делает вид, что море просто штормит сильнее обычного. Наша дорогая Лира Меридин...

Он сделал короткую паузу, плотоядно усмехнувшись:

— Впрочем, за ее дикий взгляд и роскошную грудь я бы лично простил этой женщине даже парочку сожженных портов.

Силина Каэлис брезгливо поджала губы, бросив на него ледяной взгляд, а справа от неё с глухим стуком врезался в стол тяжелый кулак Кайдена:

— Твоему отцу хватало ума закрывать пасть и слушать старших, щенок! — прорычал полководец, подавшись вперед. Желваки на его скулах ходили ходуном, а глаза налились яростью. — Если ты явился сюда чесать языком и пускать слюни на женщин, я вышвырну тебя вон из зала.

Эрис даже бровью не повел. Он лишь аккуратно поправил свои роскошные волосы и насмешливо наклонил голову:

— Мой почтенный батюшка сгнил в этой духоте от собственной важности, Кайден. Я лишь отдаю должное прекрасному. И констатирую факт: Лира Меридин водит тебя за нос, пока твои хваленые гарнизоны считают медяки.

— Мои гарнизоны выполняют приказы, — процедил Кайден, и его пальцы медленно, со скрипом сжались обратно в кулак. — А ты продолжаешь забывать свое место за этим столом, Вейл. Одно слово — и твои осведомители в портах отправятся на дно кормить тех крабов.

— Хватит лаяться, как псы у мясной лавки, — лениво бросил Марцел Валентис. Он даже не поднял головы от свитков, сделав очередной глоток вина. — Лира Меридин может крутить бедрами и прятать контрабанду сколько угодно, пока исправно идут отчисления с таможни. Но в этом месяце Солант задерживает зерно, ссылаясь на пиратов в проливе. Казна теряет тысячи золотых.

Марцел шелкнул пальцами, и слуга в серой маске тут же подлил в его кубок вина.

— Меня мало занимают прелести наместницы, Эрис. Меня волнует казна. Если Мирраден не вычистит пролив от пиратов, столица перекроет поставки корабельной стали. Пусть спускают на воду хоть кораблики из гнилого тростника — мне плевать.

— Не перекроете, — спокойно и тихо произнесла Силина Каэлис.

Она медленно перелистнула тяжелую медную страницу Кодекса Судеб. Звук упавшего листа отозвался в тишине зала.

— Морской путь благословлен Звездами еще при Первом Совете. Нарушение торгового баланса приведет к смуте в умах плебеев, а смута порождает ересь. Порядок должен быть соблюден буквой, а не голодом. Кайден, твоя обязанность — принудить наместницу к ответу. Лично.

Эрис тихо усмехнулся в кулак, явно наслаждаясь тем, как Силина натягивает поводок на шее грозного генерала:

— Боюсь, наш доблестный Кайден сейчас слишком занят, дорогая. Ходят занятные слухи... Говорят, в семье Соляриусов снова неспокойно.

Кайден резко повернул голову, сверля парня тяжелым взглядом:

— Следи за языком, щенок.

— О, я сама скромность, генерал, — парень расплылся в ядовитой улыбке, разводя руки в стороны. — Просто весь город шепчется о том, что твой драгоценный младший брат опять куда-то пропал. Где же Лорас? Неужели снова сбежал из клетки наводить свои... Как правильно сказать... Порядки?

В зале повисла густая, звенящая тишина. Слышно было лишь, как мерно шуршит звездный камень в пальцах Луциана Астрина.

Шурх. Шурх.

Кайден не шелохнулся. Лишь челюсти полководца снова сжались. Он медленно взял со стола сложенные синие бархатные перчатки и аккуратно натянул их на руки, словно готовясь к дуэли прямо здесь, на глазах у Совета.

— Лорас выполняет особое распоряжение Дома Соляриус, — ровным, отчеканенным тоном произнес Кайден, глядя Эрису прямо в глаза. — И это распоряжение касается безопасности всего Аурелиса. Тебе незачем совать свой смазливый нос в дела моей семьи, Вейл. Иначе рискуешь остаться без него.

— Разумеется, мой друг. Безопасность — превыше всего, — Эрис шутовски прижал ладонь к груди, но в его прищуренных глазах плясали искры. Он добился своего — нащупал больное место.

— Довольно, — Марцел Валентис с глухим стуком поставил точку на очередном свитке и встал из-за стола. Старик окинул присутствующих холодным, усталым взглядом. — Фригус получит урок от моего сына Аро. Мирраден получит официальное предупреждение от Совета. Если через лунный цикл караваны не пойдут по расписанию — мы введем флот.

Силина Каэлис медленно кивнула, запечатывая решение тяжелой латунной печатью на страницах Кодекса:

— Да будет так. Во имя Кодекса.

Луциан Астрин лишь загадочно усмехнулся, глядя на нарисованное золотое солнце над черным Каиром на потолке. Его метеорит в последний раз глухо щелкнул о полированное дерево стола:

— Пусть Звезды рассудят нас быстрее, чем вы думаете, господа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.